

Алла Анатольевна Гореликова
Корунд и саламандра, или Дознание
Серия «Корона», книга 1

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139235
Корунд и саламандра, или Дознание: М.; 2007
ISBN 5-9717-0138-X

Аннотация

Было предсказано, что после замужества Марготы, любимой дочери Анри Лютого, королевство Таргалу ждут великие бедствия. Но избежать свадьбы нельзя – такова плата за мир с сильным соседом. Да и в принцессе ли дело? С таким-то буйным нравом, как у короля Анри, врагов нажать легче легкого. Оскорбив посланцев Подземелья, он нарушает древний договор, и вспыхивает война людей и гномов.

Для Таргалы наступают черные времена... времена, которые останутся в страшных легендах, времена, правду о которых должен узнать скромный послушник Анже, наделенный даром видеть прошлое.

Содержание

О МИЛОСТИ ГОСПОДНЕЙ...	5
1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	5
2. Благородная панночка Юлия, дозволенная подруга принцессы Марготы	6
3. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	8
4. Благородная панночка Юлия, дозволенная подруга принцессы Марготы	9
НОЧЬ КОРОЛЯ	10
1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	10
2. Король Анри, заслуживший к середине жизни прозвание «Грозный», потомками же переименованный в «Лютого»	11
3. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	14
4. Благородная панночка Юлия, дозволенная подруга принцессы Марготы	15
5. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	17
6. Ожье, гвардеец короля	18
КОРОЛЕВСКИЕ ХРОНИКИ	19
1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	19
2. Королевские Хроники Таргалы, подробнее повествующие о церемонии сборов принцессы-невесты Марготы, длившейся, как по традиции следует, дюжину дней и еще один	23
О ПОДЗЕМЕЛЬНОЙ НЕЛЮДИ	25
1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	25
2. Гномы, нелюдь подземельная	29
3. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	31
4. Благородная панночка Юлия, церемониальная подруга принцессы-невесты	33
КОРОЛЕВСКИЙ ХРОНИСТ	36
1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	36
2. Королевские Хроники Таргалы, правдивейше повествующие о посещении королем Анри и принцессой-невестой города владельческого пана Готвянского, а также о событиях, из одного воспоследовавших	37
3. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	38
4. Королевский хронист	39
ЗАКЛЯТОЕ ВИНО	41

1. Смиранный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	41
2. Благородная панночка Юлия, церемониальная подруга принцессы-невесты	42
3. Смиранный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене	43
4. Король Андрий, зять короля Анри	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алла Гореликова

Корунд и саламандра, или Дознание

О МИЛОСТИ ГОСПОДНЕЙ...

1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Многие скажут: это было давно, и мало правды в приукрашенных за века рассказах. И сказание о святом Кареле – всего лишь красивая сказка. Ибо не найти честных свидетельств и непредвзятых летописей: хронисты тех лет возвышали лишь деяния своих хозяев, истинный же ход истории сокрыт был от них так же, как от прочих смертных, людей и нелюдей. И не узнать нам вовеки, как стал мир наш тем, что он есть.

Но вот лежат на столе передо мной бесспорные и беспристрастные свидетели. Неведомыми мне путями попали они в монастырские хранилища: серебряная с алой каплей корунда брошка благородной панны Юлии, родовой амулет короля Валерия, ржавый пиратский нож, дешевый кубок из придорожного кабака и дорогая супница из дворцовой кухни, и еще десятка полтора вещей, невесть каким чудом дошедших до нас сквозь тьму Смутных Времен. И благословение Отца Предстоятеля: «Да послужит во славу Господню дар смиренного Анже-послушника, дабы постигнуть Истину и проникнуться смыслом Промысла Вышнего».

И я, почти забывший в благодати монастырского бытия о том даре, что стал для меня проклятием, должен призвать его вновь. Мне следовало бы укрепиться помыслами от одного лишь благословения, ибо что есть слава Господня? Деяния во имя Его. Но мне предстоит деяние страшное и темное, и душа замирает от мысли о нем. Да, страшно это – жить чужою жизнью. Глядеть на мир чужими глазами, и думать о мире чужими мыслями, и чужие поступки совершать. Куда хуже бесстыдного подглядывания странный мой дар, и одна мне была с ним дорога – ненависть людская да скорый суд, карающий за странность куда суровее, чем за преступление. Благословен будь Отец Предстоятель, позволивший укрыться за монастырской стеной тому, кого открыто называли посланцем Нечистого! Долго отходил я от страха, долго вздрагивал от шагов за спиной и об одном молил Господа: о забвении. Пусть нельзя мне стать таким, как все, нельзя лишиться дара – ибо не отнимается данное Господом... но можно хотя бы забыть о нем?!

Однако Отец Предстоятель судил иначе, и кто я, чтобы перечить просветленному Светом Господним? И теперь в смятении я, и оживают снова те страхи, что заставляли меня забыть навсегда о проклятом даре. Я возьму сейчас в руки брошку, принесенную когда-то в дар монастырю то ли внучкой, то ли правнучкой панны Юлии – и меня не станет. Растворится во мраке смиренный Анже, и столпятся вокруг призраки людей и событий. Много их будет – век вещей долог. Останется лишь выбрать. Я потянусь к благородной панночке Юлии – то, что остается от Анже, легко ее найдет, – и я стану Юлией. И переживу случившееся с нею, как будто случилось это со мной. Смогу потом вспомнить пережитое и рассказать другим. Если вернусь. Всякое может случиться... с некоторых пор я очень боюсь не вернуться.

2. Благородная панночка Юлия, дозволенная подруга принцессы Марготы

– Ожье! – Юная девушка на миг опускает смеющиеся серые глаза. Золотые локоны падают на милое личико, тонкие руки вскидываются, поспешно поправляя парадную прическу. – Что за маета с этими волосами! Ты опять дежуришь в ночь, почему?

– Жестокая, она еще спрашивает! – Молодой гвардеец расплывается в улыбке, перекидывает парадную алебарду в левую руку и прижимает правую к сердцу. – Все равно не сплю я ночами, ненаглядная моя панночка, так уж лучше скоротать время дежурством, чем надирать сердце пустыми вздохами под твоим окном. Ведь ты, Юлия, никогда в него и не выглянешь!

– Окно слишком высоко, чтобы чьи-то там пустые вздохи долетели до моих ушей! – Юлия хихикает, и Ожье смеется в ответ. Гвардеец понравился Юлии. Понравился давно, чуть ли не с первого дня ее дворцовой службы. Только понравился... ну что в этом такого! Но однажды Юлия заметила, что с нею говорит он совсем иначе, чем с другими. Безнадежная нежность таилась на дне его шуток, и глаза оставались грустными. Ожье, младший сын захудалого барончика, не мог надеяться стать зятем владетельного пана Готвянского. Единственную дочь пана ждала куда более блистательная партия. И Ожье не заговорил с ней о любви. Что за глупое благородство! Будто девушке честолюбивые планы отца дороже собственного любящего сердца! А сердце Юлии сладко замирало всякий раз, как случалось ей заговорить с Ожье, отогревалось его молчаливой любовью – и таяло, превращалось в мягкий податливый воск, на коем так легко оттискивается дорогой образ...

– О чем загрустила ты, милая?

О том и загрустила, что не пришлось, как всякой порядочной девушке, услышать признание и замереть, опустив глаза и накручивая на палец непослушный локон. Хорошо еще, что Юлия не считала вздохи украдкой и слезы в подушку признаком добродетели! Она, конечно, провела ночь в молитве Ие-Заступнице, как советовала традиция, но наутро не постеснялась объясниться с Ожье начистоту. И утро то выдалось воистину счастливым!

– Сегодня пир, Ожье, ты ведь знаешь?

– Конечно. Посольство Двенадцати Земель. Я видел, как они прибыли, Юлия, и на это стоило поглазеть, клянусь! Верхом, на полном скаку... эх, Юли, что за кони!

Мимолетное раздражение колет Юлию. Кони ему... до коней ли!

– Они приехали просить руки Марго, – тихо и серьезно говорит Юлия. – Ты понимаешь?

Ожье запинаятся. Умолкает, нахмурившись.

– Так и будет, Ожье, – шепчет Юлия. – Этот брак нужен нашему королю.

– Этот брак нужен нашей стране, – поправляет Ожье. – Но для нас с тобой, Юли, все может кончиться с этой свадьбой. Марго должна будет уехать к мужу одна, как принято у восточников. И тебе придется вернуться в Готвянь.

– Если бы в Готвянь... – Юлия замолкает. Стоит ли пересказывать Ожье последний разговор с отцом? Все равно ничего он не изменит... слишком уж выгодного зятя подобрал себе владетельный пан Готвянский...

– Драгоценная моя панночка! – Ожье падает перед девушкой на колени и сжимает ее упавшую безвольно руку. – Юлечка моя! Жизнь моя, мое счастье! Знаю, отец твой не даст благословения, но разве Господь не Отец наш Превышний? Упадём аббату в ноги, коль он благословит, так Господь за нас будет! Скажи только слово!

– Ожье, я... Без отца-то как... – Губы Юлии дрожат, и глаза совсем некстати заволакивает слезами. – И без тебя... тоже никак, нет! Ты прав, мой Ожье, прав! Пойдем к аббату, он просветлен, он благословит.

Ожье вскакивает:

– Юлечка! Юли, не плачь, ведь на пир ты идешь, ведь ты подруга принцессы! Юли, любовь моя!

– Я приду сюда после пира, – поспешно промокнув слезы, шепчет Юлия. – Ожье, мы пойдем к аббату, как только тебя сменят! Но если он откажет... что тогда, Ожье?

– Господь милостив, Юли, – шепчет в ответ Ожье. – Господь милостив...

3. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Господь милостив, шепчу я. Шепчу, не веря. Я отвык от проклятого своего дара, я почти позабыл, как это бывает! Я ведь больше года делал вид, что ничем не отличаюсь от других, – и надеялся вовсе забыть, что это не так. Голодал, бродяжил, тонул во мраке – но не заглядывал в прошлое. Даже за великие деньги, что предлагал тот себастиийский купец в трактире на въезде в Корварену, – отказался. Потому что не все купишь за деньги... Того, что потерял я, – не купишь. Мне хватило последнего раза... и никогда, никогда, никогда я бы не сделал этого снова – если бы не дознание. Я ведь горд порученным... Конечно, я должен гордиться, мне ведь великое дело доверено! Деяние во славу Господа.

Я стараюсь отринуть постыдный страх. Я вспоминаю увиденное глазами Юлии... небольшое усилие – и память о видении становится отчетливой и яркой. Куда ярче мира вокруг...

И я тону в чужих чувствах – словно впервые случилось это со мной. Любовь юной девушки, такой легкомысленной с виду, с веселыми глазами, с белой кожей северянки...

Любовь, страх разлуки и страх отцовского проклятия. Мне знаком этот букет. Чайная роза, выдернутая мимоходом из живой изгороди, полевые ромашки, пыль деревенской улицы. Отцовское проклятие – это страшно. Я верю, что это страшно. Иначе придется поверить, что Катарина, единственная моя чистая любовь, совсем не любила меня. Ожье повезло: его Юлия не позволила страху вершить их судьбу. Безумная, отчаянная надежда... Юлия, мне и это знакомо. Сколько раз она меня обманывала, надежда на лучшее, надежда на справедливость. Вы броситесь поутру аббату в ноги, но что может сказать вам аббат? «Не мною установлено...»

Серебряная брошка с алой каплей корунда, ты оказалась слишком болтливой свидетельницей! Не любовь твоей первой хозяйки важна для меня сейчас, а тот пир, о коем говорила она: сватовство Двенадцати Земель. Принцесса Маргота накануне замужества. Ее грозный отец и молодая мачеха. И маленький братец, наследный принц Карел. Именно он станет главным героем порученного мне дознания, но сейчас, за месяц до замужества Марготы, он только и может, что агукать, играя охранными амулетами, в серебряной своей колыбели. Его не будет, конечно, на пиру. Не будет там и жениха принцессы, он придет позже, когда состоится помолвка и придет время скреплять договор. Но мне надо увидеть этот пир! Надо, хотя не случится там ничего, потому только надо, что я знаю о нем: прежде чем приступить к дознанию всерьез, я должен вернуть полузабытую власть над памятью вещей.

Господи, милостив будь ко мне, слабому! Вовсе не пир хочу я увидеть...

4. Благородная панночка Юлия, дозволенная подруга принцессы Марготы

Потоки света из стрельчатых узких окон, беломраморный искрящийся пол и белоснежное одеяние аббата. Светло здесь и благостно, и не место здесь отчаянию. Но как отринуть отчаяние, когда рушится последняя надежда?

«Не мною установлено, дети мои, да не мне менять», – пусть аббат печален и полон сочувствия, но он непреклонен. И Юлия рыдает, прильнув к груди Ожье, и аббат прекрасно слышит горький вывод несчастной девочки: «Господь несправедлив, несправедлив!»

Он слышит, и он должен оборвать богохульные речи. Но и ему, видно, пришлось когда-то любить и страдать, и он говорит:

– Молитесь, дети мои. У вас есть еще время, молитесь, Господь милостив. Не ко мне вам надо было идти. Церковь не в силах заменить родительское благословение, она лишь освящает его. Но, дети мои, разве король – не отец для подданных своих? И разве не ждут нас дни, когда уместно будет молить его именно о той милости, коей жаждете вы?

Юлия поднимает голову, недоверчиво глядит на аббата. Глядит, почти не видя: слезы смазывают и лицо его, и все кругом, только потоки света вспыхивают в глазах цветными искорками. Ожье опускается на колени, целует край белоснежного одеяния и говорит благоговейно:

– Воистину милостив Господь! Благодарю, светлейший отец: добрый совет дал ты нам, и я удивляюсь, что сам не подумал о том же.

– Это свидетельствует в твою пользу, сын мой, – неторопливо отвечает аббат, – ибо рассудил ты верно: в дом Господень следует идти, усомнившись в установлениях Господних. Приди вы ко мне подле короля, как жених и невеста, поглядел бы я еще, какое дать вам благословение! Ну же, не плачь, дочь моя! Ты заслуживаешь счастья. Буде король надумает испросить совета Церкви, я не стану чинить препоны вашей любви. Молитесь, дети мои, и я помолюсь за вас, и да будет с нами милость Господня...

НОЧЬ КОРОЛЯ

1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Серебряная брошка с алой каплей драгоценнейшего корунда... Юлия происходила из семейства знатного и богатого, как и подобает ближайшей подруге принцессы. Будь я знатном хроник, наверняка мог бы рассказать о панах Готвянских во всех неинтересных подробностях. Наверное, мне следовало бы поинтересоваться, думаю я, хотя бы отцом Юлии. Пожалуй, наведаюсь вечером к брату библиотекарю. Может, и Ожье упоминается в хрониках? А впрочем, навряд ли. Что хронистам до захудалого дворянчика, вынужденного искать счастья в королевской гвардии...

Юлия и Ожье. Сомневаюсь я, чтобы король дал высочайшее свое соизволение на столь неравный брак. Помнится, брат библиотекарь упоминал панночку Юлию, рассказывая мне о замужестве принцессы Марготы. Принцесса и так не была в восторге от навязанного мирным договором замужества, а необходимость следовать обычаю, о коем упоминал Ожье во вчерашнем моем видении, удручала ее не в меру. И перед свершением свадебного ритуала она умолила короля Андрия, будущего своего супруга, разрешить ей не в горьком одиночестве покинуть отчий дом.

Король Андрий уважил слезную просьбу невесты. Юная королева Двенадцати Земель уезжала из родной страны вместе с любимой подругой.

«Вместе с подругой»... Пожалуй, должно быть что-то еще. Ведь и замужество Марготы затронули мы тогда кратко и вскользь: не она волновала нас, а Карел. Маргота покинула Таргалу навсегда, ее сводный брат никогда более не встретится со старшей сестрой. Но не стоит пренебрегать сведениями о соседях Золотого Полуострова, их ведь тоже могли задеть Смутные Времена...

Так думаю я, пытаюсь изгнать из памяти тот свет, что играет разноцветными искрами в залитых слезами глазах Юлии. Свет Господень... Юлия, ты нравишься мне все больше, я так хочу, чтобы ты была счастлива, Юлия! Смешно. Они жили так давно. Все уже свершилось и забылось, и быльем поросло. А мне хочется помолиться за них, чтобы Господь благословил их любовь. Хочется так необоримо, что я, вместо того чтобы спуститься в библиотеку, поднимаюсь в часовню. Когда я привыкал к монастырским порядкам, братья поучали меня: не стесняйся молиться в одиночестве, во внеурочное время, буде придет к тебе желание. Ведь такое моление – от сердца, и угодно Господу. И я молюсь. Если всемогущ Господь, значит и время подвластно Ему. Я молюсь за тебя, Юлия: да благословит Господь любовь твою.

Я не замечаю, как проходит время обеда. Но не заметить заполнивших часовню братьев, пожалуй, довольно затруднительно. Урочная служба. Почему-то мне трудно сосредоточиться в предписанных на сегодня молениях. Мысли разбегаются, и я досадливо думаю: пойду после службы к себе. Брат библиотекарь никуда не денется, а Отец Предстоятель пока что не требует от меня отчетов о виденном, дает время вспомнить и привыкнуть, нащупать тонкую нить событий, канувших во тьму времен. Пойду к себе, посижу в тишине до вечерней трапезы, соберусь с мыслями. А после, в преддверии долгой ночи, попробую отыскать принцессу-невесту. Среди принесенных мне вещей – парадная перевязь ее отца, короля Анри Лютого. Пожалуй, она видела и переговоры, и свадебные торжества. И много чего еще...

2. Король Анри, заслуживший к середине жизни прозвание «Грозный», потомками же переименованный в «Лютото»

Король Анри пересекает необычайно людную сегодня большую залу, одаривая встречных то кривой улыбкой, то злой усмешкой. Впрочем, все уже слишком пьяны для того, чтобы обращать внимание на выражение богоблагословленного королевского лика. Но короля это устраивает. И короли устают держаться в рамках приличий! Хотя сегодняшний вечер стоит затраченных усилий. Гости довольны. Отъявленные шалопаи из своих, строго предупрежденные накануне, держатся с отменной вежливостью. Известные всей столице придворные кокетки вовсю строят глазки заезжим кавалерам. Вечер удался. Князь Егорий, любимый дядя и полномочный посланник короля Андрия, удалился на отдых с полчаса назад, оставив молодежь из сопровождающих развлекаться в свое удовольствие. Недвусмысленная демонстрация полного доверия вчерашнему врагу, явственно намекающая на уверенность князя в успехе переговоров. Еще бы ему не быть уверенным, Нечистый его раздери! После разгрома на Волчьем Перевале Таргала еще могла надеяться на реванш, но блокада северного побережья...

Хозяин торжества останавливается у полузадернутой портьеры и еще раз внимательно оглядывает залу. Веселье достигло полной бесцеремонности и стремительно движется к стадии откровенного бесстыдства. Самое время незаметно удалиться.

Король нетерпеливо откидывает тяжелые бархатные складки, кивает отсалютовавшему парадной алебардой гвардейцу и стремительным шагом направляется к южной галерее. Мысли его возвращаются к завтрашним переговорам. Что ж, дело оборачивается не так уж плохо. Замужество Марготы или перспектива скорой и неизбежной капитуляции – есть же разница! Вполне пристойное, кстати, замужество, жених по всем меркам завидный. И все же, все же... Широкие ладони короля сжимаются в кулаки, сочные губы зло кривятся. Все же он унижен. Разве не унижение – отдавать врагу любимую дочь платой за мир? Марго, Марго...

Принцесса, легка на помине, выбегает навстречу из галереи. Марго ушла сразу после оглашения помолвки, припоминает король, не осталась праздновать. Значит, караулила, когда уйдет и он.

– Отец, я хочу говорить с тобой!

– Я ждал этого, Маргота.

– Отец!

«Господи, как же ты хороша, дочь моя! Как прекрасна...»

– Не здесь, Маргота. Идем ко мне. – Король галантно подает дочери руку и шепчет: – Придержи пока свой гнев, Марго!

Южная галерея пуста, пуст и новомодный зимний сад, отделяющий парадную часть дворца от жилой.

– Мне будет не хватать этого, – нарушает молчание принцесса. – Двойного эха от шагов, и запаха мяты и гиацинтов, и... и тебя, отец.

В голосе принцессы – еле сдерживаемые слезы, и король предпочитает не отвечать. Здесь не место для откровенного разговора. Королевский кабинет куда лучше защищен от нескромных ушей.

Королевский кабинет и для разговоров приспособлен куда лучше. Для серьезных разговоров, разумеется, а не пустого словоблудия. Особенно, если рывкнуть дежурному кавалеру:

– Не впускать никого!

Мягкое кресло для принцессы, король же предпочитает массивный дубовый табурет.

– Ну что ж, дочь моя, скандаль. Теперь можно. Кричи, топай ножками, вазу вон разбей...

– Так значит... Ты решил, отец? Окончательно?

– Мне кажется, Марго, ты вчера еще знала, что так будет.

– Да, конечно, – шепчет Марго. – Но я не хотела верить. Отец, это ужасно, ужасно!

Король возражает резко и сурово:

– Это лучшая из всех возможных для тебя партий, Маргота. – И усмехается криво: – Андрий, король Двенадцати Земель, и Маргота, его королева!

– Он такой же варвар, как все его подданные, и к тому же вдвое меня старше! Ты платишь мною за неумение воевать! Продаешь меня за политическую выгоду! Или не так?!

– Так, – грустно соглашается король Анри. – Такова судьба всех принцесс, дочь моя. А чего ты хотела? Красивого, молодого, голоштанного карьериста вроде этого вашего Ожье? Чтобы его давно обнищавший род вел начало от самого Карела Святого, чтобы он носил тебя на руках и претендовал на мою корону? Нет, дочь моя! Ты станешь королевой Двенадцати Земель. Этот брак принесет мир нашим границам... Что же касается твоего будущего супруга, так вот тебе мой совет – роди ему законного наследника, а после развлекайся, как сможешь. Повторяю, Марго, из всех возможных мужей этот лучший не только для Таргалы, но и для тебя. Или ты предпочла бы стать женой кнеза Ольва? Он тоже ищет союза со мной. Что же ты молчишь, дочь моя?

– Я думаю, отец мой... думаю, сколь печальна участь королей! Они покупают себе жен и продают своих дочерей. Вы дали мне жестокий совет, отец мой король.

– Именно так поступала твоя мать.

«Ох, Марго... и когда ты выучилась так обжигать взглядом?!»

– Я слыхала об этом, отец мой король. Ваш двор обожает сплетничать.

– Это чистая правда, дочка. Как и то, что слыхала ты обо мне. – Король яростно скалится и щурит глаза, становясь на краткий миг неуловимо похожим на злобного дикого кота. – Ведь слыхала, а?

Принцесса вспыхивает и поспешно опускает глаза. А король смеется страшным, коротким и хриплым смехом, а потом говорит ей тихо и почти нежно:

– Мы с твоей матерью с самого начала не питали иллюзий. Королевские браки – это политика и только политика. Смирись, дочка, и забудь своего Ожье.

Тут уж смеется Марго:

– Ох, да не мой он, отец! Мы просто напускали туману! Ожье любит Юлию, а пан Готвянский... ты же понимаешь, да? Он мигом окрутил бы ее с каким-нибудь богатым соседом... совсем как ты меня... – Принцесса хмурится было, но тут же задорно улыбается. – Однако ты никогда не запрещал мне строить глазки кавалерам, отец мой король!

– Когда и повеселиться от чистого сердца, как не в девичестве, – задумчиво говорит король. – Именно так говаривала твоя мать, признаваясь мне в прошлых проказах. Мы с ней неплохо ладили, Марго. Понимать друг друга куда полезнее для короля и королевы, чем любить. Запомни это, дочка. Так твоя Юлия, значит, тоже любит этого Ожье?

– Отец, ты ведь не скажешь пану Готвянскому?

Король хохочет:

– Хитра ты, дочка! Прекрасно ведь знаешь, как зол я на пана с того дня, как Готвянь пригрела аббата Витаса! Э, уж не рассчитываешь ли ты, что я выдам панночку Юлию замуж в пику ее чванливому папаше?

– Отец! – Марго вскакивает и хлопает в ладоши. – Это замечательно! Как ты угадал!

– Однако же для такого выкрутаса нужен повод, дочь моя! Даже король не вправе распорядиться самочинно дочерьми своих подданных!

– Вот еще! – Марго высокомерно поводит острым подбородком, презрительно морщит носик. – Уж ты-то, отец мой король, можешь не рассуждать передо мной о праве. Все твои подданные давно, кажется, уяснили, что высшее право Таргалы – твое королевское слово.

– Добавь еще, что пан Готвянский – почти что мятежник!

– Но ведь он и впрямь прогневил тебя? – невинно уточняет принцесса, словно не заметив насмешки в словах отца.

И король таит. Он и так, верно, не привык отказывать дочке, а уж сегодня...

– Марго, ты ведь пришла поплакаться о собственной свадьбе? С чего вдруг пошли хлопоты о чужой?

– Разве плохо, когда хоть кто-то рядом с тобой счастлив? – печально отвечает принцесса. – Я ведь не дура. Я прекрасно понимаю, что скандалить глупо, что лучше Андрий, чем Ольв, что мир с восточниками стоит большего, чем счастье бедной девушки, которую угрозило родиться дочерью короля... Ах, отец! Почему, почему жизнь так несправедлива?!

– Поплачь, дочка, – вздыхает король. – Поплачь, пока мы вдвоем здесь. Завтра ты должна хотя бы казаться счастливой. Девочка моя, короли не вольны в своей судьбе. Такова плата за власть над судьбами других.

– Отец, отец...

– Смирись, Марго. Твоей матери тоже пришлось когда-то смириться, да и я брал ее за себя не с легким сердцем.

– А Нина? – недобро спрашивает Маргота.

– А что Нина? – Король пожимает плечами, и в голосе его – одно лишь усталое равнодушие. – Нина – это наследник. Не будь Карела, на мою корону претендовали бы твой муж и сынок твоей тетки Оливы. Два одинаково сомнительных наследника – это смута, понимаешь?

– Конечно, отец. Я говорила уже, что я не дура и совсем не это имела в виду. Пришлось ли смириться матери наследного принца?

– Ну, я не очень-то ее ограничиваю. Ты и про нее кое-что слыхала, а?

– Более чем, – презрительно чеканит принцесса.

– Карел – мой сын, и Нина достаточно любит его, чтобы быть образцовой матерью. Мне этого довольно. Ты успокоилась, дочка?

– Наверное...

– Тогда ступай. И, пожалуй... да, пришли мне Юлию.

– Сразу же, отец! – Марго убегает, подхватив пышную парадную юбку, и легкое эхо ее шагов быстро затухает.

Король Анри Грозный опускает голову на стиснутые кулаки и тяжело вздыхает; тихий голос его полон боли:

– Марго, Марго... воистину ты дочь матери своей, Маргота...

3. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Ночь опускается на мир. Умолкает дневной шум, а неспешные вечерние разговоры глушит камень стен. Тишина... когда-то я любил ее. Но с некоторых пор тишина давит на меня, как могильный камень. Истончается, исчезает мир вокруг, наваливается пустота небытия, и нет от нее спасения. Страшно...

Но ведь мне есть куда укрыться от могильной ночной тишины, от исчезнувшего мира! Да, всякое может случиться в видении – но, пожалуй, не в том, где оставил я короля Анри Лютого.

4. Благородная панночка Юлия, дозволенная подруга принцессы Марготы

Здесь, в королевском кабинете, ночь тиха. Здесь можно забыть о гудящем в большой зале празднике. Забыть... разве можно забыть! Этот праздник – поражение Таргалы, поражение и позор, и платить за позор приходится лишь ему, королю! Платить собственной дочерью! И при этом рассыпаться в любезностях, блистать пышным гостеприимством, казаться вполне довольным и даже счастливым! Что ж, Марго всегда была умницей, она поняла. И ее просьбу, последнюю просьбу дочери, а не королевы Двенадцати Земель, он выполнит! Ее Юлия выйдет за Ожье, и пусть пан Готвянский только посмеет выказать недовольство!

– Благородная панночка Юлия просит позволения говорить с королем. – Дежурный кавалер возник в дверях ненавязчивой тенью, готовый сию секунду исчезнуть и турнуть вон посетительницу.

– Пусть войдет, я ждал ее.

Тонкие руки, золотые локоны. Глубокий реверанс, глубокие серые глаза, вскинутые на короля с отчаянной надеждой.

– Вы плакали, Юлия?

– Мой король, я... – Юлия сжимает задрожавшие губы, на короткий миг прикрывает глаза. – У меня выдался печальный день, мой король.

– Что же опечалило вас, любезная моя панночка?

– Не гневайтесь только, мой король! Свадьба Марго совсем меня не радует.

– Почему же?

– Мой король...

– Только не ври своему королю, девочка. Не надо уверений в преданности и громких слов о долге подданного. Чем эта свадьба мешает тебе?

– Мне хорошо рядом с Марго, мой король. Мы ведь не только по протоколу подруги... а теперь она уедет, и никогда больше мы не увидимся.

– И все?

Долгий, прерывистый вздох больше похож на стон.

– Еще с одним человеком придется мне проститься навсегда в тот день, когда покину я двор.

– Кто же он, панночка Юлия?

– Один из ваших гвардейцев, мой король.

– Всего лишь? Дочь пана Готвянского – и какой-то гвардеец? Двор не поймет вас, любезная моя панночка!

Юлия вскидывает голову, и яркий румянец заливает белую кожу северянки:

– Что мне до двора! Мой Ожье стоит их всех!

– Так это Ожье вскружил вашу прелестную головку, панночка? Это о нем плакали вы?

Юлия кивает, и король, усмехнувшись чуть заметно, задает главный вопрос:

– И вы мечтаете стать женой королевского гвардейца, панночка Готвянская?

– Да, – еле слышно отвечает Юлия.

Король Анри молча и пристально разглядывает стоящую перед ним девушку. Он не назвал бы Юлию такой уж красивой – ну что ж, о вкусах не спорят. Марго ярче, выразительней. Его Марго, так похожая на мать... Марго, однако, любит показать норов, а Юлия мила и нежна. Удивительное дело, как такие разные девушки становятся подругами? Юлия, первая невеста королевства после Марго, и гвардеец Ожье...

– Прошу, присядьте. – Король встает и, галантно поддерживая Юлию за кончики пальцев, подводит ее к тому креслу, что недавно занимала Марго. – Я хочу поговорить с вами серьезно.

– Я вся внимание, мой король.

Король Анри тратит пару секунд, пытаясь подобрать слова помягче. Он предпочитает прямоту, но как сказать этой милой девочке, что ее любовь, быть может, всего лишь желанный приз для голоштанного карьериста? Оскорбится! И, быть может, правильно сделает. Для короля Ожье – лишь один из четырех сотен гвардейцев, не худший, надо признать, но, что у него за душой, король знать не обязан. Достаточно того, что король знает все о его семье, а вот знает ли будущая невеста? Что ж, с этого и начнем, решает король.

– Любезная моя панночка, я удивлен и разочарован. Вы, с вашей красотой и вашим высоким происхождением, при богатстве и влиянии вашего отца, можете рассчитывать на самую блестящую партию. И вдруг – младший сын барона Мишо! Юлия, вы видели барона Мишо? Нет? Скотина непристойнейшая, не при даме будь сказано. Только и умеет, что ужраться до свинского состояния и заваливать в сено смазливеньких поселяночек. Именье в упадке полнейшем. Хозяйством после смерти баронессы занимается капеллан, милейшей души человек и набожный исключительно, однако же к мирским делам не приспособлен. А наследник весь в папашу, и я, как сюзерен, решительно не одобряю ваше желание, благородная панночка Готвянская, связать судьбу с таким семейством... фу!

– Ох, мой король, – Юлия с ответом не медлит. – Поверьте, я тронута вашим участием! Но мне, право же, нет дела до барона Мишо! Я люблю Ожье, он любит меня. И он, счастливее, может не заботиться о родительском благословении!

– Это еще почему? – хмурится король.

Юлия несмело улыбается:

– Барон Мишо, провожая младшего сына в столицу, благословил его разом на всю оставшуюся жизнь и повелел в дальнейшем не обременять отца и брата своим обществом. Ожье свободен от любых обязательств, кроме службы вам, мой король, его родным нет дела ни до него, ни до его будущей супруги. Чего не скажешь о моем отце, и надежда наша только на королевскую волю!

– Ваш отец, панночка, примет королевскую волю, но не смирится с ней. А в последствиях я не волен! Юлия, вы рискуете остаться не только без приданого, но и без наследства.

– Что за дело мне до наследства!

– Да? – ехидно щурится король. – А если твоему Ожье есть до этого дело? Девочка, я пожил поболее твоего. И, что ты ни говори, а не верю я в бескорыстную любовь голоштаных младших сыновей к богатым невестам вроде тебя.

– Ох, нет!

– Нет? Хорошо, если нет, а вдруг да? Вы с Марго стоите друг дружки, две романтические дурочки! И кто позаботится о вас, скажи? Кому по силам тот ветер, что выдувает из влюбленных головок последние остатки рассудка? – Король спохватывается, машет рукой. – Ладно, панночка моя. Ты ведь знаешь, где сейчас твой Ожье? Пусть он расскажет королю о любви к панночке Готвянской!

– Мой король... – Юлия смущена и растеряна. – Он в карауле эту ночь. Его пост у спальни принца Карела. Мой король, ответьте, молю вас, могу я хотя бы надеяться?

– Не знаю, Юлия. Сначала я поговорю с Ожье. Ступай к Марго и предоставь мне остальное.

– Мой король! Позвольте мне пойти с вами. Я не могу больше мучиться неведением! Я должна знать...

5. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Что-то отвлекает меня. Холод... чьи-то холодные ладони на моих висках. Голоса... голова кружится.

– Где же брат лекарь?

– Анже, очнись! Слышишь, Анже?

Слышу я, слышу...

– Хвала Господу, он очнулся!

Что значит «очнулся», силюсь я возразить, с чего весь этот шум, со мной же все в порядке! Однако мне и рта раскрыть не дают, усаживают, кутают в теплую накидку, суют сладкое подогретое вино...

– Отец Предстоятель, – шепчет кто-то рядом со мной.

– Что с ним?

– Я мимо шел и услышал шум. Вроде стон и стук какой-то. Когда я вошел, Анже лежал на полу. Без сознания. Белый весь и холодный.

Я вдруг понимаю, что и впрямь не в меру слаб. Но я ведь не был без сознания? У меня было видение. Я помню! Но, пожалуй, и столпившимся вокруг братьям не могло привидеться... Взгляд мой скользит по белым пятнам лиц и останавливается на парадной перевязи короля Анри. Она валяется на полу бесхозной тряпкой, и я тянусь подобрать. Но кто-то из братьев успевает раньше.

– Ты пропустил сегодня обед, Анже. Мне сказали, ты молился. Рвение заслуживает похвалы, однако вечерняя трапеза скудна, а твой дар требует сил.

Я склоняю голову. Конечно, Пресветлый прав. Никогда еще мои видения не оканчивались обмороками, но и столь длинных видений не было у меня никогда. Рваные, иногда почти бессмысленные обрывки... Воистину, порученное мне деяние угодно Господу! Это знак... знак, что я не должен больше бояться смотреть в прошлое.

– Нельзя пренебрегать заботой о себе, Анже.

– Простите мою беспечность, Пресветлый Отец, – бормочу я. – И вы простите, братья. Простите, что встревожил вас.

– Ты должен отдохнуть, – с мягкой укоризной велит Отец Предстоятель. – Мы не будем тебе мешать, но брат лекарь побудет с тобой до утрени. Ложись.

Отец Предстоятель выходит, следом тянутся братья. Надо же, сколько народу я всполюшил...

– Согрелся? – спрашивает брат лекарь.

– Д-да. – Я смотрю на стол. Брошка панночки Юлии манит меня оттуда, я слышу словно воочию: «Не могу больше мучиться неведением»... Юлия, как я понимаю тебя! Видение еще не ушло окончательно, оставшись лишь новой памятью. Я знаю, нужный момент придет сам, и придет быстро. Это, правда, будет прямым послушанием... но, видит Господь, я должен знать! Я решаюсь. – Брат, нельзя ли раздобыть мне чего-нибудь съестного? Я знаю, это против правил, но хоть пару сухарей?

– Конечно, – соглашается брат лекарь. – Не думай о правилах, сейчас они не ко времени. Я принесу чего-нибудь, а пока выпей вот это.

Брат лекарь капает в чашку с водой темную, остро пахнущую настойку. Я пью, и с каждым глотком в меня вливается странная усталая бодрость – словно пришел с долгой прогулки, утомительной и приятной. Брат лекарь выходит, я ставлю опустевшую чашку на стол и на ощупь прихватываю со стола брошку. Видение накрывает меня почти сразу.

6. Ожье, гвардеец короля

– Как это так, Ожье? Что ты за мужчина, если позволяешь девице ходатайствовать за тебя?

– Мой король, я... Юли?

– Ох, Ожье! Я не собиралась, я только рассказала Марготе! Так получилось, Ожье...

Юлия, позабыв приказ держаться позади, делает несколько быстрых шагов к Ожье, и король останавливает ее резким, почти грубым жестом:

– Гвардеец, с тобой говорю я!

– Мой король, – преклоняет колено гвардеец. – По праву вассалитета я умоляю своего сюзерена даровать мне руку панночки Юлии, что стоит сейчас рядом с вами, мой король, и готова подтвердить свою благосклонность к моей смиренной просьбе.

– Ты просишь о неравном союзе, Ожье. Достойно ли простого гвардейца искать руки дочери владетельного пана? Ее отец сочтет, что корыстный расчет движет тобою.

– Потому и не пытался я просить Юлию у пана Готвянского, потому и решился молить о королевской милости. – Ожье опускает голову и тихо, вразрез со строгой официальнойностью разговора, добавляет: – Люблю я ее, мой король.

– Любишь... – Кривая улыбка трогает губы короля. – Ты отцовское проклятие на нее навлекаешь. А как вы жить будете? На твое жалованье гвардейца?

– А разве не на него живу я вот уж седьмой год? Мой король, в столице достаточно олухов, оттачивающих шпагу на ваших гвардейцах, и еще больше – болванов, готовых заключать пари на исход схватки.

– Уж об этом-то я прекрасно знаю, – довольно ухмыляется король. И гнусавит, довольно похоже передразнивая беглого аббата Витаса: – Ибо безобразие сие творится с королевского попустительства.

– Тогда вы знаете и то, мой король, что ваши гвардейцы дорого берут за уроки. Пока я могу держать в руках шпагу, семья моя не будет нуждаться.

– И ты, Юлия, согласна на такую жизнь? – резко спрашивает король.

– С Ожье – да! – решительно отвечает панночка Готвянская. И опускает глаза, залившись жарким румянцем.

– Что ж... – Сочные губы короля Анри вновь кривит ухмылка. – В конце концов, все вассалы равны пред сюзереном. Благословляю вас, дети мои, жить в любви и согласии, да будете вы с этой минуты женихом и невестой, а о дне свадьбы спросим после утрени нашего аббата.

КОРОЛЕВСКИЕ ХРОНИКИ

1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Я улыбаюсь. Меня кормят с ложечки и не разрешают надолго вставать, и брат лекарь ругает меня, а братья стражники ему вторят. Отец Предстоятель приставил ко мне четырех стражников – в очередь следить за мной, дабы не нарушал распорядка. А еще – велел убрать все с моего стола и пригрозил, как встану, наложить на меня епитимью. «Впарить хорошенько ради пущего смирения», – как сказал, улыбнувшись во весь щербатый рот, брат Серж, едва закрылась дверь за Пресветлым. Брат Серж, пожалуй, слишком ехиден для монастырского стражника, но ехидство его не злое, и он мне нравится. Я слышал, он попал в монастырь, спасаясь от королевской лесной стражи. Обязательно расспрошу о подробностях, когда сойдемся поближе: Серж, видно, родился в счастливый час, в королевских лесах не очень-то поохотишься, уж я-то знаю...

Мне скучно, и только общество братьев развлекает меня. Ворчание брата лекаря, ехидные шуточки брата Сержа, солдатские байки брата Джона. И молчание двух других стражников, которых я пока не знаю по именам. Они молчат не потому, что я им неприятен, они по натуре молчаливы. Я улыбаюсь им, и брату лекарю, и Сержу, и Джону. Я улыбаюсь своим мыслям. Давно, неисчислимые годы назад, Юлия и Ожье любили друг друга. Мне радостно думать об этом. Еще несколько дней, и я наберусь сил. Ну, пусть епитимья... пусть! – зато потом я вернусь к дознанию. Может, я увижу их свадьбу. Я люблю их – за то, что у них сбылось. Я люблю Марго – за то, что на пороге немилостивого замужества она помогла сбыться чужой любви. Может, и у тебя еще все сбудется, Маргота, принцесса-невеста? Я улыбаюсь.

– Отец Предстоятель прислал меня заняться с Анже чтением хроник.

Брат библиотекарь двумя руками прижимает к груди толстенный фолиант, и дверь за ним закрывает брат Серж.

– Умеешь ты читать, Анже?

Я смущенно пожимаю плечами. Я могу прочесть вывеску над трактиром... когда-то мог. И подписи под деяниями святых, что украшают стены монастырской приемной, кое-как разобрал. Однако взять в руки хроники...

– В этом нет ничего сложного, – уверяет меня брат библиотекарь. – Нужны только усердие и привычка.

– Усердие у него найдется. – Брат Серж указывает долгим взглядом на пустой стол. – Попомните мои слова, еще унимать будем.

Я краснею.

– А привычка, Анже, придет сама, дай только время. Мы начнем с малого.

Брат библиотекарь с бережной торжественностью раскрывает древнюю книгу. Я осторожно провожу пальцами по краю страницы. Желтоватая, очень гладкая на ощупь, тонкая, но плотная.

– Это бумага?

– Бумага, – кивает брат библиотекарь. – Не такая, как привозят ханджарские купцы, – много дороже. И сейчас-то слишком дорога, а тогда... Ее делают в далекой стране за полу-денным морем, дальше Хандиарской Империи... где именно, точно никто не знает – торговые секреты, лучше и не соваться расспрашивать. Древние короли Таргалы платили за нее мехом голубого песка – вес на вес. А сколько платят сейчас... по-моему, это коронная тайна.

– Равным весом на голубого песка?! – Брат Серж дерзко взвешивает в ладонях том королевских хроник, удивленно присвистывает. – Ничего себе! На эту книгу должна была пойти добыча трех, а то и четырех лет! Неужели не нашли бумаги попроще?

– Тогдашние короли сочли бы бесчестьем экономить, – поясняет брат библиотекарь. – Они были ревнивы к славе соседей, а собственную славу лелеяли бережно и куда чаще именно такими мелочами, чем истинно великими деяниями.

Я приподнимаю книгу. Тяжелая. Но добрая треть веса должна падать на переплет, толстый, из благородного розового дерева.

– Серж, разве песок так легкий? – спрашиваю. – Я думал, это самый обычный мех, не из дешевых, но и не слишком редкий.

– Ну да, – подтверждает Серж. – Ровно настолько дорогой и редкий, чтобы отличать благородных дам от богатых горожанок, коим дозволены только лиса и белка. Обычный мех, ты прав, Анже. Только это – белый песок. А голубой... – Серж закатывает глаза. – Один голубой песок встречается где-то на полсотни, а то и на сотню белых. Знаешь, я всяких мехов перевидал и перещупал, все-таки десять лет без малого этим кормился, но о голубом песце только байки слышал.

– Я видел, – пожимает плечами брат библиотекарь. – Давно, сопляком еще был. Приезжало посольство с севера, глазеть ходил. И что я вам скажу – издали, да еще для неискушенного глаза, разницы никакой. Я и не понял, пока не сказали. Так что давайте не тратить больше слов, а займемся лучше делом. Читай, Анже. Разглядишь?

Я склоняюсь над книгой. Разгляжу... расплывчато малость, но понятно. Буквы старинных хроник ничем не отличаются от знакомых мне, разве что чернила выцвели от времени. И подумать только, только вообразить – сколько лет назад писались они... бесчисленные годы, отделяющие спокойный наш мир от Смутных Времен. С потаенным трепетом веду пальцем по строчкам.

«Воистину дики соседи наши, и разумом темны и непонятны. Они разбили войско Таргалы у Волчьего Перевала. Они разграбили дочиста Прихолмье. Они кознями своими вынудили ханджарских купцов поднять цены на благородную пшеницу, на шерсть и хлопок, и на рыбу, и на масло, и на вино. А полуночное побережье стало недоступным для торговли и промысла из-за их каперов. И вот теперь, поставив Таргалу на край голода, они предлагают брачный союз залогом вечного мира!»

Я перевел дыхание и вытер пот со лба.

– Устал? – сочувственно спрашивает брат библиотекарь.

Я устал, да: глаза теперь не выдерживают долгого напряжения. Но мне не хочется признаваться в этом. Читать трудно, но хуже другое. Осилив едва четверть страницы, я с досадой и недоумением чувствую себя несведущим сопляком. Я слышал, конечно, о разгроме у Волчьего Перевала. Почти каждый менестрель начинает сказание о святом Кареле именно с этого, кровавого и странного эпизода. Но при чем здесь, скажите, Прихолмье? Какую роль в войне могла сыграть крохотная приграничная долина, жители которой промышляют охотой и сбором трав, а для пропитания держат коз и небольшие огородики? Что там, в Прихолмье, можно было разграбить?! И разве только ханджары продавали пшеницу, шерсть и рыбу? И, пусть даже так: какой купец станет взвинчивать цену настолько, что товар его не смогут купить вообще? Я, конечно, не слишком соображаю в торговых тонкостях, но ведь любым делом должен править простой здравый смысл!

– Мы можем продолжить позже, – предлагает брат библиотекарь. – Отдохни. Только знай: ты должен прочесть их все.

– Все? – тупо переспрашиваю.

– Весь этот том. Таково слово Пресветлого.

– Епитимья не слабже любой другой, – усмехается Серж.

- Анже справится, – уверенно говорит брат библиотекарь. Мне бы его уверенность!
- Я понимаю, – шепчу я. – Конечно, я должен всё это знать. Но вот странно...
- Что смущает тебя, Анже?

Запинаясь, я облакаю в слова свои сомнения:

– То, что прочел я, похоже на пересказ слухов и домыслов. Разве такими должны быть королевские хроники? Что я хочу сказать – разве эти записи можно назвать достоверными?

– Нельзя, – вздыхает брат библиотекарь. – Ты прав, Анже. И таких мест много в хрониках. Что поделаться, хронисты – всего лишь люди, а людям свойственно ошибаться, и завидовать богатым соседям, и льстить сильному, и лгать из страха или злобы. Но все равно ты должен прочесть это, Анже, и понять... и, если будет на то воля Господня, отделить то зерно истины, что сокрыто грязной шелухой домыслов и слухов. И тогда мы сможем записать подлинную историю.

Я вздрагиваю. На какой-то миг я позавидовал брату библиотекарю, его наивной жажде истины, его вере в чистоту правды. Он ведь старше меня, он в отцы мне годится! Но он верит. А я... я успел уже узнать, убедиться воочию, собственной шкурой прочувствовать, сколь грязна и подла она бывает – чистая правда. Так грязна, что наглая ложь воистину может стать ложью во спасение. Так подла, что хочется поверить лжи, не отвергающей благородства. Ох, Анже, не думай ты об этом! Забудь. Ты живешь сейчас в чистоте и святости монастырского уклада, под Светом Господним, тебе повезло – так забудь! Не вспоминай мирскую грязь. Здесь, под Светом Господним, правда в самом деле чиста. И то, что откроет во тьме времен мой дар, может быть только во благо.

Я глажу отполированный временем переплет – осторожно, самыми кончиками пальцев. И думаю: с того ли начали мы открывать подлинную историю? Ох, не с того! Должна же быть у менестрелей причина начинать с Волчьего Перевала? Хотя участие в нем принца Карела состоит лишь в том, что именно в тот день он родился. А здесь – сватовство.

– А предыдущий том? – спрашиваю. – Там должны быть подробности. О Прихольмье, о каперах, о начале войны. О причинах! Что я хочу сказать – не со сватовства же начинается сказание?

- Предыдущий том утрачен.
- Как такое могло случиться?...
- Может, это и к лучшему. – Брат библиотекарь чуть слышно вздыхает.
- Но почему?!

– Не всякую грязь нужно вытаскивать под Свет Господень. О чем-то лучше и забыть. Да, в тех годах могут оказаться истинные корни бед Смутных Времен – но я хочу верить, что они скрыты от нас из благих побуждений. Хотя менестрели начинают сказание с рождения святого Карела, Церковь полагает, что исток событий – в свадьбе Марготы.

– В свадьбе? – переспрашиваю я. – Разве такое... такие бедствия... – Я встряхиваю головой, укладывая разбегающиеся мысли в рамки приличествующей смиренному послушнику речи. – Простите. Но разве можно счесть началом столь обширных событий один лишь день? Тем более – день лучшего таинства Господня?

– Прочти и ты поймешь, – коварно предлагает брат библиотекарь. Я вижу: ему понравился мой интерес. Он, верно, предвкушал долгие часы, разворачивающие перед неискушенным послушником величественное полотно прошлого, и удивление мое, и вопросы, и ответы...

Я тру глаза, моргаю. Смогу еще почитать? Надо...

«Королевский предсказатель изгнан сегодня». Я растерянно моргаю и возвращаюсь назад: не пропустил ли чего, уж очень резкий поворот. Да нет, не пропустил...

«Королевский предсказатель изгнан сегодня. Он осмелился поднять голос против брака принцессы Марготы, дерзко утверждая, что вслед за браком сим грядут неисчисли-

мые бедствия. Славный наш король вознамерился самолично снести с плеч злопыхательную голову, однако явил вдруг неожиданную милость и повелел охальнику убратся немедленно и не появляться в землях короны отныне и вовеки.

Брак же принцессы Марготы решен бесповоротно. Посольство Двенадцати Земель отбыло поутру, князь Егорий везет своему королю договор, подписанный славным королем нашим Анри Грозным и прекрасной королевой Ниной. Прибытия жениха ожидать следует к концу лета. Тогда же будет и свадьба.

Обо всем этом объявлено в Корварене сегодня после обедни, с молитвой о благословении Господнем принцессе-невесте, церемония же сборов начнется завтра и длиться будет дюжину дней и еще один, как по традиции следует.

С тем хвала Господу за прожитый день».

Хвалой Господу страница заканчивается. Полоску в три пальца шириной, остававшуюся пустой, заполняет затейливая виньетка. Наверное, затейливая – у меня уже все плывет перед глазами, расплзается в чернильные пятна...

– Новый день – с нового листа, – поясняет брат библиотекарь. – Ты молодец, Анже. Теперь я вижу, нам не придется топтаться на месте. До завтра.

Брат библиотекарь осторожно закрывает фолиант и берет его в руки так бережно, как неопытная мать берет дитя. И я невольно тянусь следом. Мне тоже хочется взять в руки толстый этот том, помнящий мир до начала Смутных Времен. Нет, не с даром прикоснуться, для такого я и впрямь пока слаб. Просто взять в руки. Ощутить ладонями гладкое розовое дерево, провести пальцем по драгоценной бумаге. Прочитать, как проходила церемония сборов Марготы. Дюжина дней и один, надо же! Сейчас невесту собирают три дня, и не слышал я, чтобы где-то и когда-то случалось иначе. Что ж, Смутные Времена поломали много вековых традиций...

Но брат библиотекарь ушел, и унес с собою хроники, а следом вышел брат лекарь, и только брат Серж остается со мной. Брат Серж, приставленный ко мне, дабы не нарушал я предписанного режима.

– Ох и печальные стали у тебя глаза, друг Анже! Ты, никак, успел войти в раж?

– Я ведь о святом Кареле с детства знаю, брат Серж. И только сейчас понял ясно, что это – правда. Это было, понимаешь? Принцесса Маргота в самом деле жила когда-то на свете, и был у нее маленький сводный брат, наследный принц Карел. Я что хочу сказать – получается, что ее сын мог встретиться с Карелом, как говорит о том сказание. Мог! На самом деле!

– Интересно тогда, кто из менестрелей описывает эту встречу правдиво! Я, видишь ли, помню три разных версии. Или четыре? Да, четыре! Или пять...

Я смеюсь вместе с Сержем. Мы начинаем пересказывать друг другу слышанное когда-то о первой встрече святого Карела и принца Валерия, и сравнивать, и обсуждать степень достоверности каждой версии, увязывая ее с количеством (и крепостью!) выпитой менестрелем браги, или пива, или вина. И остаток вечера проходит незаметно.

2. Королевские Хроники Таргалы, подробнее повествующие о церемонии сборов принцессы-невесты Марготы, длившейся, как по традиции следует, дюжину дней и еще один

«С утрени, с молитв о благословении Господнем славному нашему королю и принцессе-невесте, начались великие торжества, прославить должныствующие грядущий брак принцессы Марготы. Ибо брак сей благословен, брак, несущий мир границам нашим.

Королевская гвардия блистала несравненной своею выправкой и великолепием парадных доспехов, и королевский дворец сиял убранством своим, особо же Коронная Зала (та, что зовется обычно просто „большая“, ибо в самом деле велика и торжественна, и нет ей равных нигде). И Северная галерея, как по традиции следует, открылась для всех, кто пожелал поклониться принцессе-невесте и славному нашему королю. И шли люди по устлавшим каменный пол галереи драгоценным коврам, подобно полноводной реке, а со стен смотрели на них, внушая трепет, все короли Таргалы начиная от Анри Основателя, и была та галерея залита светом. И над тремя ступенями, что поднимают Коронную Залу над Северной галереей, благоухала арка из тысяч лилий и гиацинтов, в цветах Короны, сами же ступени устилала благословенная мята.

Пышность же и великолепие парадного убранства Коронной Залы не дерзну я описывать, ибо не в силах найти слова, передать способные весь блеск, озарявший церемонию сборов принцессы-невесты Марготы дюжину дней и еще один. Скажу только, что подобного не видела ни одна столица, и сам я слышал, как говорили люди: будет им теперь, о чем вспоминать долгими вечерами и рассказывать детям своим и внукам.

Принцесса в свадебном уборе восседала меж славным нашим королем и прекрасной королевой, и королевские гвардейцы стояли позади, а подле трона короля – капитан королевской стражи, и первый министр, и королевский аббат. Подле же королевы стояла аббатиса монастыря Ии-Заступницы, а у ног принцессы-невесты сидела дозволенная подруга ее, благородная панночка Готвянская.

И поклонились принцессе-невесте первыми служители Господа, благословив ее и брак ее. И вассалы отца ее, славного нашего короля, поклонились принцессе-невесте преданностью своей в прощальное время ее. И поклонились принцессе добрыми пожеланиями послы государей ближних и дальних, коим случилось быть в славной Корварене. И заняло это полный день, первый день церемонии. И еще дюжину дней кланялись люди принцессе-невесте дарами.

И в дни эти поклонились принцессе горожане, жители Корварены, торговых гильдий и ремесленных, и оружейники, и иные свободных промыслов мастера, и простые коронные люди. И поклонились принцессе посланные иных городов Таргалы, коронных и дворянских, и вольных городов Себасты Приморской и Себасты Верхней посланные поклонились принцессе тоже. И поселяне коронных земель, и коронные охотники, и иные коронные люди, и гвардия короля. И поклонились принцессе наставники и школяры Коронной Школы, и Университета Корварены, и обеих монастырских школ, и благословляли они принцессу-невесту и славного нашего короля, и наступающий мир благословляли. И славили грядущий брак все, кто ни живет на Золотом Полуострове, и благословлял всяк принцессу-невесту в сердце своем.

Дары же, поднесенные принцессе-невесте, не перечисляю я здесь, ибо места перечень сей займет не в меру, и занимается им королевский казначей с тремя писцами вкупе.

И еще упоминания заслуживает событие одно, под конец последнего дня церемонии случившееся. Вне ожиданий всяких и к удивлению всеобщему, пришли поклониться королю нашему Анри Грозному гномы, нелюдь подземельная. Были они малы ростом, толсты и безобразны, числом семеро, и дары поднесли королевской чете и принцессе-невесте, и говорили любезно, однако без покорности, а просьбы посмели изречь, как требования. Добрый король наш ликом потемнел от речей сей нелюди, но, праздника ради, гнев смирил и отпустил гномов с миром, не ответив ничего на дерзость их.

Так прошли дюжина дней и еще один, и день после церемонии не происходило ничего, ибо требуется и королям отдых, паче же в преддверии церемоний последующих. Сегодня же повез славный наш король дочь свою, принцессу-невесту, отдать прощальные визиты, о коих напишу я по возвращении короля и принцессы.

В замке же правит пока прекрасная королева, и наводит порядок после церемонии сборов, и готовится к возвращению супруга.

С тем хвала Господу за прожитый день».

О ПОДЗЕМЕЛЬНОЙ НЕЛЮДИ

1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Я привыкаю к чтению неожиданно быстро. Нет, не так! Не просто привыкаю – брат библиотекарь с толстым томом хроник входит в мою жизнь сразу и прочно. От описания церемонии сборов Марготы я с трудом отрываюсь для обеда, а когда брат лекарь велит мне после обеда поспать и вообще не утомлять больные глаза и продолжить завтра, я всерьез, неподобающе сержусь. Я убеждаю брата библиотекаря продолжить после ужина – там и оставалось-то совсем немного! Но брат лекарь ушел, оскорбленный в лучших чувствах. И, видно, доложил Отцу Предстоятелю об очередном «излишнем рвении», потому что на другой день брат библиотекарь не приходит вовсе.

Я прошу брата Джона позвать его. Однако вместо брата Джона, брата библиотекаря и королевских хроник приходит брат Серж. И говорит с насмешливым сочувствием:

– Брат библиотекарь, чтоб ты знал, работает сегодня с Отцом Предстоятелем. Завтра придет. А брату Джону нагорело, что оставил тебя одного. Будет теперь до вечерней службы поклоны в часовне бить. Эх, Анже, и чего мы тебя так любим?

Я чувствую, как полыхают мои щеки краской стыда. Возомнил о себе! Указания давать начал! И теперь хороший человек из-за меня наказан. Меня-то Отец Предстоятель щадит, небось не отправил на молитвы без обеда и ужина, а брат Джон...

– Брось, – машет рукой брат Серж, – не бери дурное в голову. Джон мог и не пойти, так что сам виноват, сам и отвечает. И, знаешь, друг Анже... не думаю я, чтобы он жалел. Светлому человеку приятно услужить, а ты светлый человек.

Не знаю, что со мной от этих слов происходит. Краснеть дальше вроде некуда, но я бы, пожалуй, вовсе запунцовел, будь в тоне брата Сержа хоть малая толика хвалы. Но он – не знаю, почему я понимаю так ясно! – он сказал то, что казалось ему очевидным и неоспоримым, как небо над головой. Обо мне! Господь видит, меня чаще гнали, чем пускали в тепло очага, и чаще проклинали, чем благодарили... я привык. Господь видит, я отогрелся здесь... душу отогрел...

– Анже, ты плачешь?... Я обидел тебя, друг Анже?

Я мотаю головой, прикусив до боли губу.

– Анже... – Ладони брата Сержа стискивают мою ладонь. Теплые...

– Прости, – шепчу я. – Ты... я не ожидал просто! Я в жизни ничего такого не слышал, понимаешь? Не ожидал...

– Ох, Анже! На, выпей. Успокойся. Я знаю, тебе круто пришлось в миру. Мы все знаем. Прости, Анже. Я думал, успело подзатыннуться. Все же сейчас ты не такой, как был первые дни.

– А какой? – удивляюсь я.

– Нормальный, – с невыразимой грустью усмехается брат Серж. – Примерно как я. А первые дни ты, можно сказать, от собственной тени шарахался. Тоже примерно как я. Прости, Анже. Прошлого так просто не уходит, мне ли не знать.

– Не извиняйся! – Я могу улыбнуться, натужно, через силу, но мир становится на место. Становится на место, но остается другим. – Когда сам вспоминаешь, что ты человек... это хорошо, но этого мало. А я и не понимал... не понимал, как этого мало... – Запутавшись в

словах окончательно, я беру брата Сержа за руку, как взял бы отца или старшего брата, если бы они у меня были... и говорю: – Спасибо, Серж! Спасибо...

– Ну, вот, – смущенно хмыкает Серж. – Да пожалуйста! Слушай, а вот что ты вчера читал под конец... ну, «нелюдь подземельная»... Ты вообще не против поболтать?

– Да с удовольствием! – От смены темы на душе легчает, я вздыхаю, осторожно разжимаю пальцы и встряхиваю головой, прогоняя остатки смущения. – Ох, как же я... брат Серж, прости... как же ж я к тебе по имени просто?!

– Ну да, как же ж ты так же ж, – отвечает брат Серж. – Я ж тут первый наследный принц Великой Хандиарской Империи с тайной миссией. Ко мне ж только по полным титулам. А на ты да по имени – это к друзьям своим, уж будь так добр.

Мы смеемся – сначала Серж, а я следом. И смеемся долго. И мне становится легко и спокойно.

– Так что ты спросить хотел? Про подземельных?

– Что ты вчера в хрониках читал. Конечно, брата библиотекаря надо было б спросить, да его пока дождешься. Я не понял, это про них вообще написано?

– Понятное дело. Других нет, и там же сказано ясно: «гномы».

– Да? А это: «толсты и уродливы»... нет, «безобразны»! Я подземных видел, друг Анже. Они странные, да. Не как мы. Но толстыми и безобразными я бы их не назвал!

Я задумываюсь: и верно, гномов не назовешь уродцами, и не толсты они, а коренасты, мускулисты и кряжисты. Но ведь других подземельных нет? Колдуны, Стражи... они не сильно отличаются от обычных гномов. То есть отличаются, конечно... Стражи так и вовсе... но непривычный взгляд не поймет разницы. С людьми-то все они разнятся стократ сильнее.

– Или другие были раньше? – вслух бормочу я. – Нет, что я несусь... откуда! Куда б они делись!

– Была война, – напоминает Серж. – Смутные Времена.

– Нет, пожалуй, это не то... пожалуй, хронист короля Анри Лютого просто хотел выслужаться. Ведь король остался недоволен гномами. Хотя подземельные тоже говорят о той войне: «Смутные Времена».

– Не слышал, – удивляется Серж. – И с чего бы? Разве не гномы затеяли тогда воевать с людьми?

– Пожалуй, теперь навряд ли докопаешься, кто тогда чего затеял...

– Тогда почему они не любят вспоминать о той войне?

– Прости, Серж, но ты не прав. Подземельные не любят обсуждать ее с людьми. У людей готовый взгляд, разве нет? Люди заранее знают, кто виноват. – «И виноваты никогда не бывают они, – добавляю я про себя. – Виноват всегда кто-то другой. Завистливый сосед, или сварливая золовка, или надувала бакалейщик. Или пригретый дурнем-муженьком племянничек – ишь ты, колдуна еще из себя строит, голь перекатная!»

– А ты откуда тогда знаешь? – прерывает невеселые мои мысли брат Серж.

Откуда... не люблю я вспоминать лишний раз, но Сержу расскажу.

– Мой дядька вел дела с подземельными. Я был тогда мальчишкой. Нахальным до ужаса. Из тех, что всюду суют нос и всё хотят попробовать на зуб... – Я останавливаюсь, углядев недоумение Сержа. И добавляю: – Я ж у дядьки вырос. Шесть лет неполных мне было, когда мама... а отец и того раньше. Ну, дядька взял. Вроде как в ученики. Знаешь ведь, как оно бывает поначалу: «Сбегай, подай, принеси, подмети». И прочее в том же духе. А тетка меня на дух не выносила, вот я и крутился допоздна у дядьки в мастерской.

– И сам не заметил, как всему научился, – продолжает Серж.

– Ну, всему не всему, а чему-то и научился. А уж с подземельными я любил рядом толкаться. И что странно, они вроде и не против были. На вопросы всегда отвечали, веришь?

– И о чем ты спрашивал?

– О разном, – улыбаюсь я единственному светлому кусочку своих воспоминаний. – О камнях. О Подземелье. Чем занимаются Стражи, правда ли, что можно из-под земли высушить сад или заставить его плодоносить из года в год, есть ли на самом деле саламандры и кроты-вампиры. И о той войне тоже как-то спросил. Дядька в первый раз взял меня на ярмарку, представляешь, счастья было? Ему там подземельные встречу назначили. Помню: солнечный денек, весело, дядька с гномами товар перебирает, я под ногами кручусь, а рядом палатка с вином, и менестрель поет о святом Кареле и принце Валерии. Пожалуй, самый бредовый вариант из всех, что я знаю на сегодня. Но тогда он меня потряс! – Я усмехаюсь, припоминая особо яркие подробности. – Благо, я уже знал, насколько можно принимать все-рьез менестреля после третьей бутылки. И я не спросил у подземельных, зачем они были такими негодяями. Я спросил, почему о них рассказывают такие гадости. Почему они это терпят. Я спросил: а какие мы, люди, в их сказках? И мне ответили, что Смутные Времена были совсем не в сказке, и в то время люди и подземельные еще и не то друг про друга говорили. И много чего друг другу делали. Нехорошего, так они сказали. А я, помню, заявил, что «нехорошо» – это слово для сопляков, а я уже большой. Почти что подмастерье. Дорос, короче, до серьезного разговора.

– И они рассказали тебе правду? – чуть слышно спрашивает Серж. – Ребенку?

– С ними в тот раз был колдун. Он посмотрел мне в глаза и сказал: «Да, он дорос. Он достоин знания». Достоин знания, представляешь?! А жуткое, кстати, дело, когда гномий колдун смотрит тебе в глаза! Да, мне много чего тогда рассказали. Что я хочу сказать – они, понятное дело, смолчали о самом неприглядном, но кое от чего меня и сейчас дрожь пробирает. Именно тогда я узнал, что «Смутные Времена» – это не просто ругательство. От подземельных узнал. Эта война страшной была для них, веришь? Они не утаили, каково приходилось людям по их вине. Но им и самим пришлось не слаще: хоть гномы и страшный враг для людей, люди тоже могут крепко прижать Подземелье. Слишком уж мы нужны друг другу, Серж. Нам нельзя воевать... война между нами уничтожит обе стороны. Именно это чуть не случилось тогда. Я был сопливым мальчишкой, и мне страшно было слушать. Как меня колотило, Серж... до сих пор помню.

– Тебя и сейчас заколотило... – Серж накидывает мне на плечи одеяло. – На, выпей еще.

– Их колдун тогда взял меня за руку. И так сказал: это было не страшно даже, а чудовищно и безобразно, но именно поэтому нельзя забывать. Чтобы Смутные Времена никогда не повторились. А потом он показал мне живую саламандру. И я хотел потрогать, представляешь? Хорошо, успели руку перехватить. Красивая она...

– С ума сойти, – восхищается Серж. – Да, непохоже это на тех подземных, какими я их себе представлял. Расскажи еще что-нибудь, а?

Я киваю. Прикрываю глаза. Вызываю в памяти самый любимый мой угол в сумеречной глубине дядькиной лавки. Сундук с изделиями гномьих мастеров – когда лавка закрывалась, дядька разрешал мне рыться в нем, рассматривать и трогать руками чудную гномью работу. Дядька был ювелиром-перекупщиком. Он мало делал сам, но зато понимал работу других. Именно поэтому подземельные вели с ним дела.

Серж умеет слушать. И собственный рассказ увлекает меня, давние горести кажутся сегодняшними, а сегодняшние еще не наступили, до них еще жить и жить. Я рассказываю. Как приходили к дядьке гномы, как, сгрудившись вокруг лампы, обсуждали они подолгу достоинства «работы»... они каждую вещь так называли – «работа». Если, конечно, вещь того стоила. Тогда дядька махал костлявой рукой: «Подь сюда, обалдуй! Смотри». И я смотрел. Смотрел и слушал. Гномы никогда не говорили о чистоте камня или его игре. Зато в их речах каждый камень обладал характером. Душой. И душа эта могла проявиться работой, а могла умереть. Они говорили примерно так:

«Вы, люди, не видите суть камня. Вам надо показать – вы умеете понять сделанное видящим. Но сами не сделаете так никогда. Работа не дается вашим рукам. Только поделки».

«Ну уж, – возражал дядька. – И у нас есть мастера».

«Есть, – соглашались гномы. – Но ты, почтенный Нико, ты, почти понимающий душу камня, скажи честно, разве их мастерство сравнится с нашей работой?»

Дядька вздыхал: «Что ж, и на поделки есть спрос. Тем более, цену я за них не ломлю, как некоторые. А только правы вы в одном, почтенные: знающий покупатель переплатит, а возьмет ваше».

Дядька мой, светлая ему память, при всех своих недостатках душой не кривил никогда...

– Душа камня, – задумчиво повторяет Серж. – Красиво. А только переплачивать за душу... бред какой-то. По мне, если нож, так лишь бы острый, фляжка – чтоб не протекала, а вино – грело. И ладно.

– На самом деле не так уж и многому я научился, – вздыхаю я, припомнив тяжелые дядькины подзатыльники. – Не успел. Не зажился мой дядька, а тетка... ну, что говорить... сам, пожалуй, напросился.

– Шуганула? – понимающе шурится Серж.

– В первый же день. Да Господь с нею, с теткой, я бы и сам ушел. Так я что говорю... При всем своем невежестве подземельную работу я отличаю сразу.

– Да? – азартно вопрошает Серж. – А вот хочешь доказать?

И выкладывает передо мной на стол два ножа.

Руки мои сами тянутся к тому, что постарше. Затертый, невзрачный... еще невзрачнее рядом с другим – тот тоже не новый, зато притягивает глаз узорчатой рукоятью, подмигивает дешевенькими светлыми аметистами, с изрядной фантазией вплетенными в узор. У него и лезвие ярче, с хищным отливом. Зато этот, я знаю, не затупится. И рука не соскользнет с невзрачной рифленой рукояти. Я принимаю его на ладони, и ощущение спокойной надежности окутывает меня теплым плащом.

– Откуда он у тебя? – благоговейно шепчу я. – Серж, этот нож стоит, пожалуй, половину дядькиной лавки...

– Да брось, – отзывается Серж.

– Понятное дело, он не очень-то похож на гномий. Но это настоящая подземельная работа. Да еще и старинная к тому же. А другой, прости, Серж, – подделка для дураков. Красивая безделушка.

Серж смеется:

– С ума сойти! Знаешь, ты первый угадал! Хотя я бы не сказал, что все прежние отгадки были дураками. Согласись, друг Анже, в нем есть фасон! У меня его даже раз украли. А гномий... точить его, правда, не надо, и к руке славно приходится. А форсу никакого. Я его в память о друге таскаю. Прощальный подарок, можно сказать.

Последние слова брата Сержа пробиваются ко мне чуть заметной усмешкой сквозь стремительно наплывающую тьму.

2. Гномы, нелюдь подземельная

Подземелье...

Бронзовая чаша с негасимым огнем, гнездовье саламандр, бросает пляшущие сполохи на ровный каменный пол и каменное же, в невысокую ступеньку возвышение. Стены и потолок теряются во мраке, но темнота не давит, нет. Наоборот, ощущение простора и ликования охватывает здесь каждого подземельного жителя. «Сердце Подземелья», так называют издревле такие пещеры, и каждая из них – священна.

Сердце Подземелья. Гномий мастер-старшина, коренастый и коряворукий, рассеянно полирует нож. Клинок блестит и без того, но мастеру нужно занять чем-то руки. Он волнуется.

«Сердце Подземелья, Негасимый Огонь, во имя завещанной предками жизни, пусть предначертанное свершится здесь и сейчас!»

Человечья женщина, прижимающая к груди годовалого ребенка, погружена в колдовской сон и не боится происходящего. Она улыбается во сне. Но будить ее нельзя. Проснувшись, поняв, она способна будет лишь на заполошные вопли. Воистину бессмысленное существо. Хуже ребенка, что сонно почмокивает у нее на руках. Принц, надежда Подземелья, и его кормилица.

Стоящий рядом с ними королевский стражник не таков. Гордое мужество – суть и смысл его. Раненый, спутанный наговором неподвижности, он не считает себя побежденным. И он прав, потому что не слабость и унижение его нужны Подземелью, а добровольная помощь. Снять с принца защитные амулеты может лишь человечья рука.

– Помоги нам, человек! Этим ты и себе поможешь.

«Какая насмешка, – горько думает мастер-старшина. – Мы, видящие суть камня, можем раскрыть ее своей работой и показать другим, невидящим. Мы, видящие и суть людей, ничего не способны сделать с ними. Сколько попыток договориться! Они понимают нас лишь тогда, когда сами хотят понять».

Колдун бормочет, вкладывая в древние фразы всю силу отчаяния. Наговор смирения, наговор страха, наговор безнадежности – один за другим, плотной, ясно видимой искушенному глазу пеленой окутывают молодого стражника гномьи чары. Он боится. Он смирился с неизбежной гибелью. Он не верит в спасение.

– Выбери сам свою судьбу. Ты можешь остаться здесь – живым или почти мертвым, как получится. Ты можешь и вернуться. И принц вернется с тобой вместе, только с нашими амулетами вместо своих. И никто не узнает, что ты побывал в Подземелье. А потом ты случайно найдешь то, что вы, люди, называете «гномий клад». Ты станешь богатым, ты сможешь отдавать приказы, а не подчиняться им. Человек, мы готовы дорого платить за твою помощь. Очень дорого.

– Я не предам своего принца.

– Это не предательство, человек, верь. Так будет лучше для всех. Для людей, для нас.

– Не предательство, вот как? – Стражник кривит губы; словно улыбнуться хотел, а не вышло. – Или не тайно проникли вы в покои принца, или не чарами похитили его, или не подняли оружия на охрану?

Он боится. Он верит, что подписывает себе приговор, что после уговоров его ждут пытки, что он и впрямь может остаться здесь «почти мертвым». Он боится, и еще что-то... жалость? Что-то не сложилось – или только начало складываться, и жаль расставаться с жизнью на пороге чего-то нового и хорошего... да, похоже! Но его мужество сильнее. Мужество и гордость, как они украшают тебя, глупый королевский стражник! Даже та чушь, которую люди называют вассальной верностью, перестает казаться чушью, когда зажигает непре-

клонным огнем твои серые глаза. Вот выявили мы твою суть, и она прекрасна, как чистейший из драгоценных камней. И что? Легче нам от этого? Ты не хочешь нас понять.

– Человек, поверь! Нам не нужен ваш мир, мы свой хотим сохранить. Твой король не пожелал выслушать нас ради законов добрососедства – но ради сына и наследника выслушает. Человек, мы не желаем зла твоему принцу. На наших амулетах нет черных наговоров.

– Да пусть лучше руки мои откажутся держать оружие, чем прикоснусь я к вашим амулетам!

Вздых, больше похожий на стон, вырывается у мастера, и нож готов выпасть из задрожавших пальцев. Сердце Подземелья, Негасимый Огонь! И колдун, удивительно спокойный в нелегких переговорах, едва не срывается на крик:

– Человек, зачем?! Мы ведь и тебе зла не желали. А ты сам себя проклял, человек, и никто теперь не в силах помочь тебе.

А в глазах несчастного парня столько боли...

Колдун осторожно, плавно сдергивает наговоры. Хрипит из последних сил:

– Пропустите помощь. Сегодня мы проиграли.

Медленно и рвано, с глухим протяжным стоном королевский стражник падает к ногам спящей колдовским сном женщины. Женщина продолжает улыбаться. Ей снится счастье сейчас, скудное бабье счастье. И мастер сам готов кинуться вперед, подхватить глупого парня, так неосторожно сказавшего Слово в Сердце Подземелья, при Негасимом Огне.

Но помощь уже здесь. Юная девушка, блее гипсовых цветов, с тревожными и храбрыми глазами. И грозный король. Король дает оплеуху спящей кормилице, та вскакивает и одурело оглядывается, и руки ее крепко прижимают к мягкой груди малыша-принца. Принц просыпается и залиvisto смеется.

Смеется! Мастер-старшина и отступивший к нему под защиту Стража колдун одновременно переводят дух. Хороший знак! Сегодня они проиграли, но не все еще потеряно.

– Идем же, дура! – Король одной рукой подталкивает кормилицу, другой помогает девушке подхватить половчее бесчувственного стражника. – Шевели ногами, пока они не опомнились!

– Подземелье выпустит вас, – шепчет колдун вслед убегающим людям. – Жаль, как жаль, что не придуман еще никем наговор понимания...

– Э-э-эх... Вот они, пророчества, – вздыхает мастер, и корявые пальцы скользят по рукояти ножа, словно лаская ее. – Мы проиграли, и что нам остается? Принять войну?

– Принц еще мал, – отвечает колдун. – А пророчество не указывает сроков. И пока принц жив, у нас остается надежда. Подождем... пусть подрастет.

3. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

– Зачем ты это сделал? – Что-то крепко сжимает мои плечи... я поднимаю руки и встречаю ладони брата Сержа. Голова кружится немного... но и только. Ничего страшного. А что я сделал? Ох, ну да...

– Не знаю... само вышло. Я не хотел, честно...

– Я должен доложить Отцу Предстоятелю, понимаешь ты это?

Я понимаю.

Я понимаю и то, что брат Серж будет наказан строже меня.

Но я ведь не хотел!.. Не собирался! И я видел...

– Серж, но ведь я видел их! Ожье и Юлию! И короля Анри, и принца Карела! Его похищали, представляешь?! И никто об этом не знает! – Я рассказываю взхлеб, перескакиваю с одного на другое и возвращаюсь, припоминая подробности...

– Мы должны пойти к Отцу Предстоятелю, – прерывает меня брат Серж. – Немедленно. Ты увидел что-то важное.

– Но почему?... – Я растерянно утихаю.

– Да ты ведь только о них все время и думаешь. Ты словно голову потерял. Знаешь ли, я поверить не могу, что ты этого боялся... Согласись, по тебе не скажешь! Но ведь боялся?

Как меня затрясло от простого этого вопроса! Еще бы мне было не бояться...

– Та-ак, – мрачно тянет Серж, – можно сказать, попал в яблочко. Знаешь, Анже, лучше расскажи. Дальше меня не уйдет, клянусь. Я же вижу, тяжело тебе вспоминать... а, чтоб ты знал, лучший способ избавиться от плохих мыслей и воспоминаний – рассказать о них.

Слезы подступают к глазам – стыдно, а не удержать. Прав Серж, ох как прав... есть мне чего бояться, о чем вспоминать не хочется – а забыть не получается никак. Вот уж больше года...

– На, выпей... пей, Анже, пей.

Я потихоньку, маленькими глотками между всхлипами, пью кислое вино. И рассказываю, как могу:

– Я ведь одно время этим зарабатывал. Ну, кражи там всякие, пропажи... Ты не думай, шпионить не брался... противно мне это, гнилое дело. Но раз...

Как-то раз мне заплатили за колдуна. Заплатили старшины гильдии ювелиров Агрилы. Колдун обвинялся в убийстве мастера. Вроде как не поделили они редкой величины огненный топаз, поссорились, и через пару дней ювелир свалился с моста и утонул... даже не утонул, мелко там – убили. И был на первый взгляд колдун ни при чем, вот только топаз пропал бесследно, – но колдун вполне резонно заявил, что похитить камень мог кто угодно. А что выходят из огненного топаза самые надежные амулеты любви и верности, и цену за них можно взять почти что любую – так это вовсе даже не кажется колдуну доказательством, поскольку ему-то как раз камень и не достался.

Без ясных доказательств просить правосудия у королевского наместника было бы глупо. Мне дали гильдейский знак погибшего мастера и попросили глянуть, как было дело. Я и посмотрел... и с тех пор почти не вижу.

Как раз, когда мастер шел по мосту, колдун наслал на него слепоту. Ошибиться было нельзя – только от заклятья так стремительно перестаешь видеть... Я вырвался из видения раньше, чем несчастный мастер ослеп вовсе – но в точности с такими глазами, какими стали на тот миг глаза ювелира. Полуслепым. И, конечно, колдун не помог – потому что вина его стала яснее ясного, и, понятное дело, его казнили. Казнили раньше, чем стало ясно, что его заклятье подействовало на меня навсегда...

– Но как же так?! Неужели они не видели, что стало с тобой?

– Но ведь я не ослеп полностью. Вот и решили, что чары временные и скоро рассеются.

А потом... потом стало поздно.

– И ты начал бояться применять свой дар...

– А ты бы не боялся?

Серж вздыхает:

– Боялся бы. Конечно, это страшно. Но, по-моему, тебе и вправду стало легче...

– Да... пожалуй, да. Легче.

– Ну так пойдем... Извини, Анже, но Отец Предстоятель должен узнать об этом твоём видении. О Кареле, я хотел сказать.

Отец Предстоятель слушает меня, рассеянно постукивая пальцами по подлокотнику кресла. И, выслушав, долго молчит. А я думаю: если сейчас за мой проступок опять наказан будет другой, я не смогу им в глаза смотреть. Никогда. Господи, не попусти!

– Покажи нож, сын мой.

Серж протягивает Пресветлому нож.

Отец Предстоятель вертит его в руках, проводит пальцами по рукояти, пробует на ногте клинок. Возвращает Сержу. Мне кажется... нет, как я могу судить о Пресветлом, кто он и кто я... но все-таки мне кажется, что он тянет время, не зная, что сказать.

– Все это слишком похоже на волю Господню, – говорит наконец Пресветлый. – Я не смею судить ваше послушание, ведь все мы в воле Его. Анже, я пришлю к тебе брата библиотекаря. Он запишет все, что ты видел. Как можно подробнее, понял, Анже? И впредь, когда увиденное тобой достойно будет того, записывайте. Я разрешаю тебе продолжать дознание, однако будь благоразумен и не усердствуй сверх сил. И читай хроники. Брат Серж, верни ему раритеты сегодня же. Брата библиотекаря можете звать по первому его слову, передай это всем. Только продолжайте развлекать его иногда, иначе, думается мне, наш Анже опять позабудет о разумной мере. Благословляю, дети мои! Идите...

Странно, думаю я, ведь Пресветлому, когда привел он меня в монастырь, я тоже рассказал эту историю с колдуном. Но тогда мне не стало легче. А сейчас – отпустило. Потому ли, что вернулся я к дару? Или все-таки... Неужели все-таки сочувствие Сержа помогло? Лучше благословения Отца Предстоятеля?

Нет, слишком сложно это... не для разумения скромного послушника. Займусь лучше тем, что поручено мне, тем, что я умею.

И вот вновь беру я в руки серебряную брошку. Я помню, как там, в Подземелье, блеснула на груди Юлии алая капля драгоценного корунда. Я видел похищение подземельными принца Карела, но и Юлия видела его тоже. Ведь так, Юлия?

4. Благородная панночка Юлия, церемониальная подруга принцессы-невесты

– Шкуры живьем поснимаю! Изменники!

Маргота и Юлия испуганно переглядываются. Король Анри Грозный, славный лютым норовом далеко за пределами Таргалы, никогда на их памяти не был разъярен до такой степени.

– Супруг мой король, – пытается вставить королева Нина.

– Молчи, шлюха! – рычит король Анри. – Где ты была?

– Отец! – сбросив оцепенение, кричит Маргота. – Не время выяснять отношения! Надо спасать Карела, пока не закрылся ход!

– Он не закроется. – Юлия заглядывает в темный проем. – Здесь алебарда воткнута, и колесо о нее заклинило.

– Какое еще колесо? – тоном ниже громыкает король.

– Не знаю. Какое-то колесо. – Юлия дотрагивается до небольшого зубчатого колеса, зацепившегося зубом о серебряную оковку древка, и отдергивает руку. На пальцах ее темнеет чья-то кровь.

Маргота хватается с низкого туалетного столика масляную лампу в ажурном серебряном футляре, втискивается в проход рядом с Юлией и деловито осматривает стены.

– Он оставил нам след!

– Кто? – всхлипывает королева.

– Ожье, – поясняет принцесса. – Гляди, Нина, ведь он сумел заклинить дверь. Ну да, и здесь пятна... и вот! Как будто он ранен и приваливается к стене. Отец, надо идти следом!

– В ловушку? – сурово вопрошает король. – Уж ты-то туда не пойдешь, Марго!

– Тогда сбегая за капитаном? – спрашивает принцесса.

– Некогда! Я пойду сам. И горе той нелюди, которая посмеет...

– Говорят, что чары с ребенка может снять родная кровь, – тихо говорит Маргота. – А мужчину может расколдовать поцелуй любящей женщины.

– Сказки, – с печальной уверенностью опровергает падчерицу королева Нина. – Чтобы снять чары, нужно по крайней мере знать...

– Хватит болтать, – прерывает король. – Марго, зови сэра Оливера, пусть караулит проход. И чтоб никто другой не знал! Поняли? Бабы сплетни на всю Корварену мне без надобности. Лампу, Марго!

Но лампу уже берет Юлия:

– Я посвечу, мой король.

– Тебя мне не хватало!

– Лампа помешает вам сражаться, мой король, – возражает Юлия. – И лишние руки могут понадобиться. Мало ли...

– Ладно, девушка... – Король бросает свирепый взгляд на жену и дочь и, отстранив Юлию, шагает в темный проход. – Сзади держись, поняла? И чтоб ни звука!

– Возьми... – Королева торопливо повязывает Юлии на запястье серебряный шнурок с вплетенными в концы крохотными изумрудами. – Это «серебряная трава», на защиту.

Юлия только кивает, уже протискиваясь в проход следом за королем. «Серебряная трава», наговоренная на защиту, прибавляет уверенности. Ажурные блики мечутся по стенам, впереди смыкается темнота, а проход ведет вниз и вниз: где скатами, где чередой ступеней, а раз даже длинной винтовой лестницей. Иногда коридор ветвится. Тогда король берет у Юлии лампу и разглядывает стены и пол. Он молчит, шаги его почти бесшумны, и Юлия

изо всех сил старается двигаться так же: неслышно и осторожно. Тишина подземелья звенит в ушах.

Тишина? Или гномьи наговоры, отскакивающие от «серебряной травы»?

Король останавливается так резко, что Юлия утыкается носом в его широкую, плотно обтянутую замшевым жилетом спину. Король шарит руками по воздуху впереди себя. Там, впереди, мечется свет неровными огненными сполохами. Там слышен бубнящий что-то неразборчивое гнусавый гномий голос. Король наваливается на невидимую преграду всем телом, пытается разрубить шпагой... шепчет в бессильной ярости:

– Они закрыли проход!

– Что же делать? – Юлия тоже протягивает руку вперед, касается кончиками пальцев преграды, и со шнура королевы срываются жгучие искры. Невольно ойкнув, Юлия отдергивает руку.

– Что это еще? – хрипло рычит король.

– «Серебряная трава», на защиту.

– Эх, нечистый меня задерит, надо было Нину брать!

Гномье бормотание смолкает, и слышен голос Ожье. Такой родной... Юлия еле удерживает стон. Решительный, твердый, полный затаенной боли голос. Ее Ожье... Что с ним?! Что-то страшное, она чувствует!

Как в страшном сне, Юлия ставит лампу на пол и шарит руками по колючему, непроницаемо-твердому воздуху, преградившему путь к Ожье. Она уже не замечает обжигающих руку серебряных искр; но мимоходом удивляется, что не плачет; а ведь заплакать сейчас кажется таким обычным делом...

И преграда исчезает. Юлия вваливается в разбавленную сполохами огня тьму, оглядывается заполошно. Ожье – ее Ожье! – медленно и неловко падает к ногам безучастной Матильды, кормилицы принца Карела.

Как она очутилась рядом? Кто таится в вязкой тьме неподалеку? И почему так странно слышать смех маленького Карела?

– Ожье, Ожье, вставай!

– Идем же, дура! – Король одной рукой подталкивает Матильду, другой помогает Юлии подхватить половчее бесчувственного Ожье. – Шевели ногами, пока они не опомнились!

Тьма сгущается вокруг, тьма давит, оживляя древние ужасы и детские страхи.

– Юлия, лампу!

Подхваченная на бегу лампа очерчивает их ажурным кругом света, раздвигая стены до безопасных пределов. Перепуганная Матильда подвывает на бегу. Хрипло, прерывисто дышит Ожье, пытаясь сам переставлять ноги, – пока король не отпихивает от него Юлину руку и не вскидывает гвардейца на плечо, словно мясник баранью тушу. Коридоры ведут вверх, вверх, и все тяжелее дышать. Винтовая лестница кажется нескончаемой. А за ней еще такой долгий путь!

– Юли, – хрипит Ожье.

Король замедляет шаг. Матильду уже шатает, вот-вот упадет, Юлия перехватывает у нее Карела и тяжело хватает ртом воздух. И тут возникают из тьмы впереди королева Нина и сэр Оливер, капитан королевской гвардии.

– Какого черта, – шепотом рявкает король.

– Вам нужна помощь, – тихо отвечает королева. – Я почувствовала.

Капитан принимает у короля Ожье, Нина ловко берет Карела. Королу остается подхватить под руки Матильду и Юлию. И идти сразу становится легче. И бесконечный путь наверх теряется в ажурных бликах света, в шелесте юбок, в тупой повторяемости шагов. И как странно увидеть впереди дневной свет...

Король выдергивает из гномьего механизма алебарду, и тяжелая, в добрый локоть толщиной дверь бесшумно сливается со стеной.

КОРОЛЕВСКИЙ ХРОНИСТ

1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Который день я читаю о прощальных визитах принцессы.

У меня болят глаза от постоянного чтения – но, пожалуй, я все равно не хотел бы бросить...

Принцесса-невеста в сопровождении отца своего короля посетила монастырь Софии Предстоящей, и монастырь Ии-Заступницы, и головную миссию Братства Святого Карела. После выполнения долга вежливости пред людьми Господними настал черед родичей, кои не столь малочисленны, чтобы управиться с ними быстро. К тому же многие из них живут далеко от Корварены, как и подобает побочным ветвям королевского древа, и держат собственные дворы, и властвуют в собственных землях под рукой своего родича короля. И король Анри с принцессой Марготой первой посетили сестру короля Оливу, что правит в Прибрежной Дельце, а затем – сына ее Луи, владетельного пана в Дзельке Северной – Цзельке, как привыкли говорить северяне.

Олива встретила племянницу ласково, поздравила с замужеством и самолично выбрала для нее у лучшего ювелира Дельцы ожерелье речного жемчуга редчайшего оранжево-розового оттенка, и височные подвески в тон ожерелью, и таким же жемчугом шитый женский пояс. Луи, прослышав о приезде венценосного дяди, прискакал в Дельцу, «дабы лично сопроводить родича своего короля и любезную кузину от Дельцы до Дзельки». Если судить по хроникам, отношения между королем и Оливой были натянутые, тогда как Маргота и Луи держались дружески, звали друг друга «любезный кузен» и «милая кузина», подтрунивали над грядущим браком одной и устоявшейся семейной жизнью другого. Странное дело: я понял так, что хронист описывал прощальные визиты принцессы с чужих слов, а между тем они представлялись мне куда реальнее, чем церемония сборов, на которой он присутствовал. Были ли у него осведомители в свите принцессы? Для хрониста это так понятно...

А похищение Карела не попало в хроники.

И сколько еще может быть в них пробелов?

Поездка в Дельцу и Дзельку продлилась почти месяц; возвращаясь в Корварену, король и принцесса-невеста заглянули на денек к королевской внучатой племяннице Элеоноре, в замужестве герцогине Эймери, и почтили ее подарком по случаю рождения первенца. Она же уединилась с принцессой, и разговор их, начавшись после утрени, длился до обеда, и неизвестным остался даже королю. Каковое обстоятельство привело короля в некоторое недовольство; впрочем, истинной причиной недовольства были скорее не «бабьи сплетни», а неизбежное, вслед за окончанием приятных визитов, приближение визитов неприятных.

Главнейшим же из неприятных визитов стал, несомненно, визит в Готвянь.

Беглый аббат Витас не попался мне в хрониках. Я так и не узнал, чем провинился он перед королем и почему пан Готвянский решился приютить беглеца в своем городе. Но сам-то хронист не мог этого не знать! Что ж, сказал в ответ на мои сомнения брат библиотекарь, хронисты тоже люди и подвержены человеческим чувствам и слабостям. Он знал, конечно, но подставлять голову под королевский гнев не хотел.

И я читаю о посещении принцессой обеих Себаст и Агрилы, и баронства Ленгор, и Дзинтани... по мере продвижения по Золотому Полуострову все больше, кажется, портился нрав короля... после Дзинтани прощальный путь принцессы вел в Готвянь.

2. Королевские Хроники Таргалы, правдивейше повествующие о посещении королем Анри и принцессой-невестой города владетельного пана Готвянского, а также о событиях, из оного воспоследовавших

«Готвянь встретила принцессу-невесту ликованием народным, подобно всем городам на пути ее. И старшины городской управы почтили славного нашего короля и принцессу-невесту дарами и почтительной преданностью, и пан Готвянский приготовил для них свой городской дворец, где расположились они с удобством. Однако тем же вечером с порога храма Господня проповедовал перед честными горожанами гнусный отступник аббат Витас. И изрекал он хулу на короля, и бедствия сулил от брака принцессы Марготы и от мира с Двенадцатью Землями, якобы противно сие воле Господней. Ибо известно, говорил он, что король Андрий был уже женат; и хоть и не оставил тот брак ему детей, однако свят и нерушим на Небесах. Так говорил богомерзкий отступник, предатель Церкви и Короны, а пан Готвянский слушал его благосклонно, и оттого начали роптать смущенные разумом горожане. И докатилось возмущение до слуха короля и принцессы-невесты. И разгневался король, ибо прежний брак короля Андрия не воспрещает вторичной женитьбы, да и сам наш король Анри наследника имеет от второго брака. А посему вели речи гнусного отступника Витаса к раздору в королевстве и к смуте великой. Однако король, смирив поначалу гнев свой ради просьбы дочери своей, приказал Витасу покаяться. Аббат же неправедный, слыша вместо суда увещания, позабыл вовсе и смирение пред Господом, и покорность сюзерену. И пуще хулу возвел на славного нашего короля и прекрасную королеву. Король же, посколь негоже государю попусту смутьянские речи слушать, приказал схватить отступника и в цепях везти в Корварену, там же Святому Суду передать.

Между тем пан Готвянский возмутиться посмел не дерзким речам гнусного отступника, но королевским на них ответом. И дерзко голос возвысил в защиту хулителя, и хулу о королеве нашей и о нравах при дворе повторил прилюдно. И король наш, дерзостью сей возмуться, повелел пана Готвянского в монастырь заточить до конца дней его и панства его лишил. Готвянь же отныне и навеки коронным городом возгласил.

И старшины городской управы присягнули королю, однако после спросили: какова будет судьба дочери бывшего их пана, ибо известно всем, что верна она Короне. Король наш верность панночки Юлии подтвердил пред людьми, но припомнил закон, по коему дети бунтовщиков права на наследие их лишаются.

Однако же в городе любили добродетельную панночку, ибо много добра сделала она горожанам. И горожане приступили к королю с мольбой о милости для нее. И принцесса-невеста также пала пред отцом на колени и просила за подругу свою. И тогда обещал король пред дочерью своей и жителями города своего, что позаботится о верном Короне муже для дочери бунтовщика и отделит ей достойное приданое из имущества отца ее, дабы прожить ей дни свои в семейном счастье и достатке.

И славили горожане доброту своего короля и сюзерена, и доброту принцессы-невесты славили».

3. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

– Я уже ничего не понимаю! Король обещал подыскать достойного мужа для дочери опального пана? Да ведь он уже объявил Юлию с Ожье женихом и невестой!

– Вот именно, что объявил. – Брат Бертран, обычно молчаливый и отрешенный, вдруг усмехается. – И этот самый пан наверняка возмутился! Хула его в том, верно, и была, что его же собственной дочкой помимо его воли распорядились. Анже, это же всё ясно, как весенний день! Король воспользовался случаем избавиться от неугодного вельможи! Спровоцировал его на недовольство и подавил бунт в зародыше. И в результате, обрати внимание, пригреб к рукам чудный город! Не считая прочего имущества. Ты был в Готвяни, Анже? Это ведь... жемчужина закатного побережья, вот как ее называют! И, клянусь, не зря!

– Но как же хроники все перевернули? Ведь для потомков это писалось!

– Правильно, для потомков, – грустно подтверждает брат библиотекарь. – Для нас. А мы читаем – и гадаем, какие события приукрашены ради нашего доброго мнения, а какие и вовсе опущены.

– Но, если лгут хроники в одном, так и в остальном лгать могут?

– Могут. Потому и рад я твоим рассказам, Анже. Вот ты говоришь, дознание еще не начато. А я уже столько нового узнал! Нет пустяков, Анже, в событиях столь давних! Я записываю всё. И знаешь, как назвал я свои записи? «Хроники непредвзятые»!

Сколько же лжи на драгоценных этих страницах, спрашиваю я себя, проводя кончиками пальцев по тонкой желтоватой бумаге. Кого обманывал ты, королевский хронист, нанося на гладкие эти листы каллиграфическую чернильную вязь? Нас? Или и себя тоже? О чем думал ты, открывая том хроник и взвешивая готовые запечатлеться на века слова? Чего хотел?

Почему врал?

4. Королевский хронист

«С тем хвала Господу за прожитый день».

Пока подсыхают чернила на отложенных в сторонку хрониках, самое время достать из потайного ящичка в конторке особое тонкое перышко и лист шелковой бумаги. Когда хронист работает, его не принято тревожить. И задвинутый засов, буде кому взбредет в голову подняться сюда, воспринят будет лишь как требование не мешать.

«Пан Готвянский заточен в монастырь, Готвянь же ныне коронный город. Аббат Витас предан был Святому Суду. Заговорить не успел, благо у меня есть надежный человек в страже Суда. Труп выставлен на посрамление. Расход 500.

Холодность меж королевой и принцессой по непонятной причине сменилась теплой дружбой. Секретничают часами. Королева стала чрезмерно внимательной к присутствию во дворце носителей наговоров и амулетов. Прошел невнятный слух о едва не случившемся несчастье с принцем. Подробностей вычленить не удалось».

Крохотные буковки теснятся на тончайшей бумаге, оставаясь четкими и понятными – приятно глазу. Ночь давно перевалила за середину, дворец затихает, разъезжаются по домам подзадержавшиеся на празднике вельможи. Скоро наступит время слуг.

«Панночку Юлию король выдал замуж за одного из своих гвардейцев. Молодые пропали из виду сразу после обряда. Впрочем, о новой подруге принцессы пока не объявлено. Возможно, опала не столь сурова, как кажется.

Богатейшие после Прихолмья медные рудники – у Вороньего Перевала и под горой Зеленчаковой. Вороний Перевал вот уж полвека как отошел Двенадцати Землям, Зеленчаковой владеют гномы.

Ювелир в столице, ведущий дела с гномами, – мастер Джозеф, дом в переулке Касперов Тупик. Служанка верна, старший подмастерье завистлив, трезвенник, работу знает, скоро выбьется в мастера. Младший подмастерье болтлив, неаккуратен, даровит.

Лучший в столице оружейник – мастер Мэтью Кривой, мастерская в оружейном ряду. Учился у гномов. С женой скандалит, с сыновьями дружен. Старший сын Эндрю работает с отцом как мастер-компаньон, невеста – дочь мастера Роя Луиза, свадьба намечена на осень. Младший сын Рик – неразговорчив, тугодум, трудолюбив. Работает на подхвате. Подмастерьев из посторонних не признают.

Мастер Рой, мастерская у городской стены под Восточными воротами, в лучших не ходит, но твердого мастерства. Вдов. В Луизе души не чает. Старшая дочь Бет замужем за булочником на улице Монастырский Сад. Вся семья набожна. Старший подмастерье Ники из родни – троюродный или четвероюродный племянник. Дело смылит, весельчак, нравится девушкам. Младших двое, новички, мастеру в рот смотрят. Прежний подмастерье уехал с матерью в деревню, там работает у кузнеца, мастера Роя вспоминает с уважением.

Подходов к островитянам в столице нет. Рекомендуют Себасту Приморскую».

Донесение окончено, свернуто в рулончик, уложено в тайник в крышке дорожной чернильницы. Хвала Господу за прожитый день! Завтра королевский хронист отправится, по обыкновению, завтракать в «Акулий плавничок». Там, под разговоры о заморских новостях, он тихо обменяется чернильницами с уважаемым в Корварене купцом, из тех, что привозят товар регулярно и торгуют честно, обзаведясь постоянными компаньонами. Из записки в чернильнице купца он узнает, где на этот раз оставлена плата за предыдущее донесение и о чем еще желательно разузнать. Купец ведет дела честно, не только торговые дела, но и тайные. Королевскому хронисту выделили надежного курьера.

Что ж, королевский хронист того стоит! Хвала Господу, пославшему щедрых покупателей на тот товар, что может он предложить! Ибо глуп тот, кто складывает все яйца в одну

корзину, и трижды глуп живущий надеждой на благодарность, служа единственному господину.

ЗАКЛЯТОЕ ВИНО

1. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Я смущен. Смущен и растерян, и сомнение гложет меня. Кем был королевский хронист? Чьим-то шпионом? Чьим? И почему? Из любви к деньгам, как показалось мне? Или я чего-то недопонял? Королевский хронист – немалая должность. Не весом или почестями, не близостью к владыкам немалая; иной вес и иной почет. Тот, кто сохранит для потомков деяния и славу живущих. Славу – или бесчестье. Стать королевским хронистом... Пожалуй, не за отменное владение пером король подбирает себе летописца! Верность, вот что нужно для соискателя. Собачья верность. Верность без собственного мнения. Королевскому хронисту ведом каждый час жизни короля и королевы, ведомы все тайны дворца, ведомо многое... и по праву! Хронисту за то и платят! И король Анри Лютый не разглядел, что тайны его королевства плывут в руки предателя?!

Я смущен. Мне кажется, я должен узнать больше. Это легко, ведь каждая страница хроник – новый день жизни хрониста. Что узнал бы я? Пустой вопрос! Отец Предстоятель запретил мне заниматься хронистом. Пресветлый не считает королевского летописца важной фигурой, «даже если летописец сей предаст своего господина». Пресветлый поторопил меня и попенял за уклонение от главного. «Смутные Времена предсказаны были последствием замужества принцессы, так не случилось ли чего во время свадебной церемонии или после? Чего-то, начавшего оправдывать предсказание? Вот чем должен ты заняться, Анже!»

Замужество принцессы... пожалуй, Пресветлый прав. Брошка панночки Юлии, пора мне снова взять тебя в руки. А хроники... что ж, посмотрим. Я ведь долго еще буду читать их.

2. Благородная панночка Юлия, церемониальная подруга принцессы-невесты

Серебряная парча свадебного платья совсем не идет Марготе. Невеста так бледна, что кажется призраком, соткавшимся из полуденного света посреди празднично убранной часовни. Призрак, правда, опирается о руку мужчины, и это придает ему толику материальности. Мужчина строен и бородат, светлые волосы его в потоке света так блестят золотом и серебром, что обруч короны кажется тусклым и невнятным. Золотой обруч короны и алый с золотом плащ, больше ничего не выдает в женихе короля. Он одет просто, куда проще любого из таргальских вельмож: штаны и куртка из тонкой светлой замши, того покроя, какой любят путешествующие купцы и опытные офицеры. Конечно, замша такого качества не всякому офицеру по карману, но столичные щеголи все равно всю крутят носом, обсуждая жениха принцессы: и борода-то не фасонно стрижена, и пояс без единой драгоценности, а сапоги так и вовсе от конского пота порыжели! Одно слово, дикарь. На себя бы глянули в зеркало, чучела расфуфыренные! Юлия косится влево, на ряд придворных кавалеров. Да, король Андрий попросту потерялся бы в их блеске. Но ему, приходится признать, простота к лицу.

Свадебный канон идет к концу. Скоро молодые супруги отведают первого общего хлеба и разделят первую семейную чарку, и муж препояшет жену, самолично затянув узел на женском поясе. И Марго перестанет принадлежать этому дворцу и этой стране...

И прощальный пир будет короток: уже за полдень, а провести первую ночь супружества под отцовским кровом молодой жене не позволяет обычай. Король Андрий увезет жену из дворца короля Анри за час до заката. Посольство Двенадцати Земель заночует в монастыре Софии Предстоящей. А наутро тронется в путь...

Юлия с поклоном передает жениху женский пояс, расшитый жемчугом цвета закатного солнца... какой острый взгляд у короля Андрия! Всего миг, но... что будет с нами, растерянно думает Юлия, сегодня решится наша судьба, и решит ее он, король Андрий... и куда деваться, если он откажет? Дочь опального пана и измученный жестокой немочью бывший гвардеец – пусть король не оставил их в нищете, но чем занять свою жизнь? Теперь, когда обоим им не место во дворце? Король Андрий не ответил Марготе прямым отказом, отложил решение до ночи... но стоит ли надеяться? Станет ли человек с такими глазами потакать жене, сосватанной ему политическим раскладом? Дочери врага?

– Принцессы Марготы нет боле, – возглашает аббат. – Поклонимся же Марготе, жене Андрия. Да забудет родной кров и да прилепится к мужу и станет с мужем одно.

Юлия первой склоняется перед подругой – так же, как та всего лишь три дня назад склонилась первой пред ней, ставшей все-таки женою Ожье...

3. Смиренный Анже, послушник монастыря Софии Предстоящей, что в Корварене

Я замираю, вслушиваясь в новую память, я выуживаю из нее тревожные мысли Юлии. Она сумела добиться своего – стала женой любимому человеку... А ведь он не хотел, понимаю вдруг я! Он вернулся из Подземелья калекой. Знал – никогда больше не сожмет ладонь на рукояти ножа, не вычертит посеребренной алебардой свистящий зигзаг церемониального салюта, не выдернет из ножен шпагу. Жизнь рухнула, и он не считал себя вправе тащить под обломки молодую жену... хоть она и сама из первой невесты королевства превратилась в дочь мятежника.

Хороша же благодарность Лютого! Ожье спас его сына – пусть, похоже, спасти нужды не было, но кто это знал? Юлией он воспользовался, чтобы окончательно разделаться с неуютным паном... поняла ли она сама, какую роль сыграла в падении отца? И вот счастливые молодожены, оставшиеся в одночасье без будущего, вынуждены просить помощи у Марго. Вернее, у ее мужа – вчерашнего врага их короля, того короля, который должен бы сам позаботиться о них, как подобает справедливому сюзерену!

Он позаботился, возражает моим мыслям память Юлии. Он выплатил Ожье положенные отступные и выделил приданое Юлии. Можно было бы зажить тихой жизнью обеспеченных горожан, вложить деньги в дело, детей завести... сыновей определить в ту же королевскую гвардию...

Ночью, вспоминая я. Король Андрий и его жена проведут ночь в монастыре Софии Предстоящей.

– Я должен видеть Отца Предстоятеля, – говорю я брату Бертрану. – Я знаю, поздно... но я должен!

Конечно, срочности никакой нет. Но мне так жутко в тишине... все равно не засну сейчас, так почему не поработать?

Мы идем по переходам и галереям, за окнами воет метель, и я думаю: вот так же отдавались здесь когда-то гулким вечерним эхом шаги короля Андрия и его молодой жены. Они виделись до того вечера только на церемониях, им предстояло первое настоящее знакомство. О чем заговорят они, оставшись наедине? Не о любви, уж в этом-то я уверен! Но, может быть, о Юлии?

Пресветлый должен знать или хотя бы догадаться, куда могли поместить столь знатных гостей. Он разрешит мне провести пару часов там, где прошла когда-то первая супружеская ночь Андрия и Марготы.

4. Король Андрий, зять короля Анри

– Выйди, Юлия. Сначала я поговорю с твоим мужем. Побудь пока с Марготой.

Юлия почтительно кланяется и выходит, и король Андрий усмехается невесело ей вслед:

– Наши жены бесподобны, не правда ли, господин Ожье? Сколько самообладания... Садитесь, господин Ожье. Разговор у нас пойдет такого свойства, что соблюдение этикета лишь помешает делу.

– Благодарю... господин.

Ожье чуть запинаясь перед обращением, и король Андрий ободряюще кивает ему. Подходит к двери, выглядывает. Маргота и Юлия сели рядышком на широкой кровати. Похоже, мужской разговор в соседней комнате они считают поводом и самым немножко посекретничать.

– Маргота, ты устала сегодня, – с легким сочувствием в голосе говорит Андрий. – У тебя был нелегкий день, а завтра предстоит дорога. Если хочешь, не жди меня, ложись. Отдыхай.

Закрывает дверь, не дожидаясь ответа. Проводит по Ожье деланно безразличным взглядом:

– Маргота оказалась заложницей нашего мира. Она достаточно умна, чтобы понимать это, и достаточно красива, чтобы счесть себя оскорбленной. Я прав, господин Ожье?

– Нет!

– Нет? – Голос короля Андрия звучит после выкрика Ожье очень ровно, очень спокойно. Невозмутимость пострашней иного крика... – В чем же я ошибаюсь, господин Ожье?

– Простите мою горячность, господин. Вы правы, конечно, в оценке положения принцессы. Но вы не знаете ее, господин! Я скажу вам так: Марго достаточно красива, чтобы полагать себя достойной восхищения и любви, но она и умна тоже. Марго сможет принять перемены. Все будет зависеть от вас, господин.

– У нее были любовники?

Ожье вскакивает:

– Лишь ей самой вправе задать вы этот вопрос!

– Сядьте, господин Ожье, и успокойтесь, – голос короля остается тихим. – Я знаю, Маргота не чуралась флирта, однако любовников не заводила. Меня интересовало, что и как ответите вы, господин Ожье. Ведь речь идет о вас, не правда ли? Почему вы хотите ехать с нами, господин Ожье? Ответьте мне честно.

– Хочет Юли, – голос Ожье падает почти до шепота, свободно лежащие на коленях руки вздрагивают. – Ей жаль Марго, и еще... она думает, так что-то изменится. А я... мне все равно, куда ехать и как жить.

– Что случилось с вашими руками, господин Ожье? Вы ведь были гвардейцем, а гвардия короля не принимала участия в боях?

– Что случилось? Вы же видите, господин – я стал калекой. Только и всего. И для этого совсем не обязательно побывать в бою.

– Господин Ожье! – Король Андрий пододвигает кресло так, чтобы сесть с собеседником вплотную, и говорит тихо и резко: – Я успел навести о вас справки. Вы умны, храбры, верны своему королю. А о том, каким образом вы вдруг стали калекой, не знает никто! Скажите мне, господин Ожье, как умный человек умному человеку: могу я доверять вам? Мой уважаемый тесть вряд ли постесняется отплатить мне за поражение ударом в спину; вы можете быть его засылком, господин Ожье. О вас говорят как о человеке чести, однако в вашей стране честь понимают как-то странно. Кто знает, сочтете ли вы бесчестьем тайные

действия против вчерашнего врага по приказу своего короля? Вас оскорбляют мои опасения, господин Ожье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.